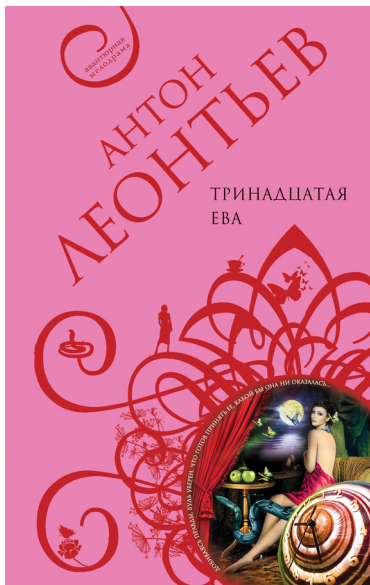

Антон Валерьевич Леонтьев

Тринадцатая Ева

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12165678
Тринадцатая Ева: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-84156-1

Аннотация

Она очнулась в каком-то непонятном месте. Было холодно, царил полумрак. Странно, но она совершенно не помнила, как тут оказалась. И почему у нее в руках большой нож с широким лезвием, покрытый чем-то красным... Заметив на полу капли крови, она пошла по этим следам и в соседнем помещении обнаружила тело женщины со множеством ножевых ран. Неужели она убила ее? Но почему она тогда ничего не помнит? Неужели память услужливо заблокировала негативные воспоминания? Во всем этом она разберется потом, сейчас надо как-то выбраться из этого ужасного места, где ее в любой момент могут схватить и обвинить в убийстве, которого она не совершала. Или все-таки совершала?.. Стирая с ручки ножа свои отпечатки пальцев, она заметила у себя на запястье татуировку: «Ева.13». Значит, ее зовут Ева? Но почему номер 13 и где 12 других Ев? Она чувствовала, что именно в этом кроется ключ ко всему, что с ней случилось...

Содержание

Доктор Чегодаев	5
Ева	27
Даша Величко	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Антон Леонтьев

Тринадцатая Ева

© Леонтьев А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Доктор Чегодаев

Имя последней в тот день пациентки было Татьяна Ларина. Дмитрий Иннокентьевич Чегодаев, частнопрактикующий психотерапевт и психоаналитик, кандидат медицинских наук, отложив планшетник в сторону, усмехнулся. *Интересно, настоящее или выдуманное?*

В его работе приходилось сталкиваться со всяким. В том числе и с тем, что пациенты проходили у него курс лечения, иногда многомесячный или даже многолетний, не раскрывая своего подлинного имени. Это было их полное право – потому что имя-то свое они скрывали, а вот проблемы нет. Собственно, чтобы справиться с ними, они и обращались к нему.

Да и, в конце концов, ему было важно не имя, а сам пациент, точнее, его история. А пока пациенты исправно платили (а с учетом того, что доктор Чегодаев был хорошо известен и с некоторых пор даже вошел в моду у богатых и знаменитых, поток состоятельных страждущих не иссякал), а платили они все исправно, ему не было дела до настоящего имени.

И все же... И все же он впервые сталкивался с такой откровенной формой маскировки. Хотя ведь неведомую пациентку могли действительно звать Татьяной Лариной! *А вот если нет...* Если нет, зачем она тогда взяла известное любому и каждому сочетание имени и фамилии?

И не только любому и каждому. *В первую очередь ему самому.* Та, которую он любил, тоже назвалась сначала Татьяной Лариной. Интересно, что встретились они тогда на премьере нового «Евгения Онегина» в Большом...

Да, Женя назвалась тогда Татьяной Лариной. И вот в его жизни снова возникла женщина с таким именем... *Случайность?*

Дмитрий Иннокентьевич снова взял в руки планшетник, сделал пару движений пальцами и убедился, что в графе «Дополнительная информация о пациенте» никаких иных сведений не значилось.

Интересно, *очень интересно...* Чтобы в подобных случаях не оказаться на бобах, плата за посещение бралась заранее. Конечно, согласовывалось, что первый сеанс будет ознакомительным, то есть бесплатным, и от этого правила доктор Чегодаев не отступал. Однако в подобных случаях потенциальному клиенту предлагалось согласовать и оплатить сразу курс из шести последующих сеансов.

Те, кто действительно желал начать лечение, соглашались. А те, кто колебался – в силу тех или иных причин, – так и не становились пациентами доктора Чегодаева. С учетом роста спроса на его услуги, в последние два года, после этой нашумевшей истории с актрисой, которую преследовал навязчивый поклонник и которой он помог изобличить негодяя, резко возросший, он мог позволить себе ставить определенные условия. Все же он, погружаясь в пучины далеко не самых приятных историй, не только старался облегчить страдания пациентов, но и зарабатывал этим деньги.

И Татьяна Ларина согласилась – несмотря на то что цены на курс из шести первичных сеансов были приемлемы далеко не для каждого. Что же, надо же было поддерживать собственное реноме и вносить арендную плату за офис в Серебреническом переулке!

Дмитрий Иннокентьевич снова бросил взгляд на планшетник, а на столе замигала синяя лампочка. Он поднял трубку внутреннего телефона и услышал голос своей верной секретарши Марины Аристарховны:

– Дмитрий Иннокентьевич, госпожа Ларина ожидает в приемной.

Зная, что пациентка находится сейчас в другой комнате, откуда слышать их разговор не в состоянии, доктор Чегодаев спросил:

– И что она собой представляет?

Нюх на человеческие типажи у Марины Аристарховны был феноменальный.

– Еще та штучка, – произнесла та. – Однако далеко не в лучшей кондиции. Кажется, чего-то боится. Ей наверняка требуется ваша помощь...

И она ее получит... Доктор Чегодаев и сам не мог сказать, отчего его так заняла пациентка, которую он даже не знал. Но что-то ему подсказывало, что случай может быть интересным и сложным.

– О деньгах можете не беспокоиться, госпожа Ларина оплатила все наличными.

Доктор поблагодарил секретаршу, положил в ящик стола планшетник, вынул оттуда блокнот в кожаном переплете и остро заточенный карандаш. Странно, но факт – несмотря на времена повальной дигитализации, пациенты предпочитали старые добрые средства. Компьютер из кабинета пришлось убрать практически сразу после установки, даже ноутбук находился в смежном помещении. Дмитрий Иннокентьевич пользовался планшетником, но только в промежутках между пациентами. Они платили ему за то, чтобы он разыгрывал из себя некое подобие доктора Фрейда – и с учетом собственных расценок он был на это согласен!

Приглушив свет и выключив кондиционер (далеко не все пациенты приветствовали искусственную циркуляцию воздуха в кабинете), он посмотрел в старинное зеркало, поправил галстук-бабочку и снял с высокой спинки стула пиджак.

В свои тридцать восемь он выглядел старше – нет, не старше, а именно что старше. Впрочем, это в его профессии было явным преимуществом. Он водрузил на нос очки в тонкой золотой оправе, откинул элегантную, богемного вида седеющую прядь (его длинные волосы любила Женя, но об этом думать не хотелось, потому что все прошло, прошло, прошло...) и бесшумно раскрыл плотную дубовую дверь, которая вела в коридор.

Оттуда он попал в приемную, где, облаченная, как всегда, во что-то умопомрачительно-яркое и ультрамодное, восседала Марина Аристарховна. Она едва заметно повела изящной головкой с короткими седыми волосами в сторону прозрачной стены, за которой находилась комната ожидания.

Элегантная дама, совершенно точно охарактеризованная Мариной Аристарховной как «та еще штучка», застыла в кресле замысловатого дизайна, закинув изящную стройную ногу на ногу.

Он, увидев ее, на мгновение оторопел. Сердце екнуло, и доктор ощутил боль, как будто палач-садист загнал ему в сердце тупую ржавую иглу. Потому что он мог поклясться, что на мгновение решил – там, в кресле комнаты ожидания, находилась не скрывающая свое имя пациентка, а она...

Женя... Его Женя...

Но так же быстро, как и накатило, видение и ушло. Щемящая боль в сердце отступила, доктор вздохнул, наверное, чересчур шумно.

Врачу, исцели себя сам! Конечно, это не Женя, а всего лишь женщина, чем-то на нее похожая. Но и то, конечно, отдаленно. Потому что Женя, его Женя, была одна-единственная и неповторимая...

Была. Да, была. Потому что Женя умерла. И ему не следовало подпадать под влияние сугубо личных историй, находясь на работе.

Да. Женя была мертва, но ведь он отдал бы все на свете, если бы она была сейчас жива!

И ведь если бы не он сам, то Женя была бы сейчас еще жива...

Татьяна Ларина была высокой шатенкой с длинными, ниспадающими на плечи волосами и фигурой топ-модели. Доктор увидел, с какой быстротой и как ожесточенно клиентка листает страницы журнала, лежавшего у нее на коленях. Она явно не успевала ничего читать, да и вряд ли собиралась это делать.

Лица Татьяны Лариной, скрытого волосами, он не видел, однако заметил ее изящные тонкие пальцы с короткими ногтями. Странно, обычно дамы подобного класса предпочитают длинные, в большинстве своем кроваво-красные ногти.

Поза, в которой замерла Татьяна Ларина, свидетельствовала о ее большом внутреннем напряжении. Да, Марина была права – пациентка была не в кондиции. И ей требовалась помощь.

И она чего-то боялась.

Внезапно Татьяна Ларина подняла голову, и доктор Чегодаев увидел ее узкое, красивое лицо, увенчанное большими стильными солнцезащитными очками. С учетом того, что, несмотря на апрель, погода стояла на редкость облачная и холодная, очки вообще-то не требовались. *Тем более в помещении.*

Но многие из его пациентов приходили сюда в темных очках. Женщина, словно прочитав мысли доктора, усталым жестом сняла очки, и он заметил, что за ними скрываются огромные зеленые глаза, под которыми залегли глубокие тени. Дама была бледна как смерть.

А в глазах застыл ужас.

Доктор знал, что хитроумная перегородка была прозрачной только с одной стороны и что он мог видеть пациентов, а они его – нет. Но все равно ему показалось, что Татьяна Ларина нащупала его взором.

Он частенько пользовался преимуществом, которое ему давала хитрая перегородка, чтобы за пару секунд установить, в каком настроении пребывает пациент, и выбрать верный тон.

Медлить и далее не имело смысла, Дмитрий Иннокентьевич подошел к двери, которая вела в комнату ожидания, открыл ее и, любезно улыбнувшись, подошел к даме и произнес:

– Добрый вечер, меня зовут Дмитрий Иннокентьевич Чегодаев. Рад приветствовать вас у себя в гостях!

Пациенты должны с самого начала считать, что они – его гости, которые могут в любой момент встать и уйти. Хуже всего было бы, если бы они вдруг оказались в больничной, многим столь ненавистой атмосфере. Пусть они и больны, однако не следовало лишний раз упирать на это.

Он протянул руку, зная, что не всякий пациент ответит ему взаимным жестом. Однако они должны знать, что он в самом деле рад видеть их. И рукопожатие, точнее, короткий тактильный контакт во многом помогал дальнейшему общению.

Татьяна Ларина на несколько мгновений замерла в кресле, затем неловко поднялась. Обвивавший ее шею изумительный золотистого цвета шарфик соскользнул у нее с шеи и упорхнул на ковер.

Доктор галантно поднял его и протянул гостье, отметив, что одета она не только крайне стильно, но и чрезвычайно дорого. Причем эта была не бросающаяся в глаза роскошь, а тонкое обаяние больших денег и знающих свое дело портного и стилиста. Краем глаза он заметил стоявший сбоку от кресла красивый бумажный пакет с каким-то лейблом.

До того как оказаться в его кабинете, Татьяна Ларина наведлась в столичный бутик, возможно даже не один. Это могло свидетельствовать о многом. Например, о том, что она могла, не задумываясь о ценах, тратить любые суммы.

Или о том, что ей требовался предлог, дабы выбраться в центр Москвы, и таковым могла служить только прогулка по дорогим магазинчикам.

Интересно, на чем она приехала? Обычно у таких дам имеется ручной сборки лимузин с собственным шофером. Но шофер ведь обо всем докладывает мужу. *Хотя с чего он взял, что у нее есть муж?* Быть может, она в разводе, вдова или вообще пробивавшаяся наверх бизнес-леди...

Женщина вскинула на него свои бездонные зеленые глаза и произнесла тихим, чарующим, хриплым тоном:

– Очень рада...

А затем пожала протянутую руку доктора. Чегодаев отметил, что ногти на пальцах были не просто спилены – они были *обкусаны!* Что с учетом явного высокого социального положения его гостьи было далеко не самым хорошим симптомом.

Продолжая изучать руки клиентки, доктор Чегодаев заметил обручальное кольцо из белого золота с крупным, странной формы бриллиантом и понял, что прав относительно семейного статуса дамы. Итак, если перед ним Татьяна Ларина, то где-то на заднем плане должен иметься и ее муж-князь?

Интересно, а изнемогающий от страсти к ней любовник тоже существует?

Рука у пациентки была вялая, однако от внимания Чегодаева не ускользнуло, что женщину слегка трясет. *Да, определенно она чего-то боится...*

– Разрешите попросить вас пройти в мой кабинет! – произнес Дмитрий Иннокентьевич. – Там мы обсудим все, что вас интересует.

Он пропустил Татьяну Ларину вперед, отметив, что под мышкой она сжимает изящную длинную сумку: кажется, одну из тех, ради которых богатые и очень богатые дамы записываются в очереди у дизайнера и безропотно ожидают своего заказа год или даже дольше.

Они оказались в кабинете доктора. Он любезным жестом указал на стул, софу и кресло:

– Выбирайте сами, где хотите расположиться!

Татьяна Ларина заколебалась, двинулась было к креслу, но потом вдруг развернулась к стулу с высокой спинкой и опустилась на него. Осанка у дамы была как у балерины.

Что же, выбор был понятен – она вся в напряжении, поэтому и отказалась от софы и кресла и замерла, вытянувшись, словно струна, на неудобном стуле.

Доктор опустился на другой стул – в отличие от того, на котором восседала пациентка, его собственный был несколько иной конструкции и позволял ему беспрепятственно провести сидючи на нем пятьдесят пять минут – именно столько длился каждый сеанс.

Кивнув на лежавшие на столе блокнот и карандаш, Дмитрий Иннокентьевич заметил:

– Я использую их только в том случае, если вы согласитесь. Потому что для детального анализа и, что важнее, выяснения и устранения причин, не позволяющих вам радоваться жизни, надо делать кое-какие пометки.

Татьяна Ларина продолжала молчать. Доктор мягко улыбнулся и сказал:

– А ведь вы хотите снова научиться радоваться жизни?

Наконец пациентка подняла на него глаза и произнесла:

– Да... Только вот скажите, вы ведь никого не поставите в известность о моем визите?

Доктор рассеял ее сомнения, заявив, что все, что они обсуждают, подпадает под категорию врачебной тайны.

– А если я после этого первого разговора больше не захочу воспользоваться вашими услугами? – не унималась она.

Чегодаев снова заверил, что длительность лечения не имеет значения.

– Но эти ваши записи... Ведь посторонние могут получить к ним доступ? – произнесла Татьяна Ларина, сгибая и разгибая пальцы.

И снова доктор сказал, что, во-первых, все записи хранятся в специальной картотеке, которая представляет собой небольшую комнату-сейф, во-вторых, никакие такие посторонние получить к ним доступ не могут, потому что доступ к записям имеют только он сам и его помощница, и в-третьих, он не записывает слово в слово, о чем шла речь во время сеанса, а делает пометки для себя, причем используя особую, только ему самому понятную систему стенографии и сокращений.

– Но ведь вы отдадите мне эти записи, если я потребую? – спросила вдруг пациентка. – Так ведь?

Доктор вздохнул, раздумывая, как же успокоить недоверчивую пациентку, но та вдруг всхлипнула, а потом разрыдалась.

Дмитрий Иннокентьевич быстро подал ей коробку с бумажными салфетками, и его гостя, промокнув глаза, произнесла:

– Извините, что заваливаю вас этими дурацкими вопросами...

– Вопросов дурацких не бывает, бывают исключительно дурацкие ответы! Во всяком случае, по мнению Сократа, а он, говорят, в этом разбирался. Поэтому и выпил чашу с ядом по приказу афинского истеблишмента...

Наконец на лице клиентки возникло некое подобие мимолетной улыбки, несколько, правда, вымученной, и сердце у доктора снова екнуло.

Ведь это была улыбка Жени! Его Жени!

И на мгновение – всего на мгновение! – ему показалось, что на стуле напротив сидит не таинственная, стильно одетая незнакомка, а родная, любимая, бесконечно дорогая Женя.

Но Женя была мертва. И он прекрасно знал это. И вообще-то думал, что боль пусть и не прошла, но притупилась. И что фаза, когда Женя мерещилась ему в каждой темноволосой высокой женщина, миновала.

Но нет, все было намного хуже. Вот ведь ужас – он, психотерапевт и психоаналитик, сам нуждался в долгом и нудном лечении!

Доктор Чегодаев закрыл на мгновение глаза, приказал себе успокоиться, ведь та, которая сидела перед ним, не была Женей и нуждалась в помощи. А потом раскрыл их и продолжил:

– Эта беседа – первая. И, если хотите, может стать последней. Потому что решение, начать ли вам сеанс терапии или нет, исключительно ваше.

А что, если она вдруг встанет и уйдет? И он никогда больше не увидит ее? Но ведь он прожил всю жизнь и не видел ее! Так почему же теперь это грозит превратиться в такую драму?

Ответ был очевиден – потому что она похожа на Женю. Но ведь даже Женя ушла, причем ушла навсегда.

И ему пришлось смириться с этим.

Дмитрий Иннокентьевич подумал, что если вдруг каким-то чудесным образом снова обретет Женю, свою Женю, то новую разлуку с ней не переживет. Первую пережил. Хотя был на грани того, чтобы покончить с собой.

А вот вторую не переживет!

Однако о чем он думает? Женя мертва – это был факт непреложный. Чудес не бывает. Мертвые не возвращаются. А его задача – помочь пациентке!

Он помолчал и заметил:

– Однако, быть может, мы предпримем попытку? Потому что если вы обратились ко мне, это значит, что вам, как вы считаете, нужна поддержка...

Он намеренно избегал слова «помощь».

Пациентка снова опустила взгляд своих изумительных зеленых глаз (такие же были только у Жени! *Нет, получается, не только у Жени...*), отбросила рукой, на которой вдруг сверхновой звездой полыхнул бриллиант обручального кольца, темные кудри (такие же были только у Жени! *Нет, выходит, не только у Жени...*) и сказала хриплым, дрожащим голосом (такой же был только у Жени! *Нет, как видно, не только у Жени...*):

– Мне нужна не поддержка, доктор. Мне нужна помощь. Потому что я, как мне кажется, схожу с ума...

Она умолкла. Дмитрий Иннокентьевич мягко произнес:

– Уверяю вас, что любой житель планеты Земля в чем-то отличается от в реальности не существующей нормы. Отклонение, хотя бы небольшое, есть у любого из нас. Так что нет причин сразу вести речь о том, что кто-то сходит с ума...

Пациентка вдруг тряхнула кудрями и крикнула:

– А что, если отклонение большое? Что, если я думаю... Если мне кажется... Нет, я уверена, что я...

Она заломила руки перед грудью, и манжеты ее затейливой шелковой блузки завернулись. Доктор заметил темные пятна на запястьях. Они были очень похожи на синяки – такие остаются, если кто-то, кто намного сильнее, держит жертву за запястья.

Кажется, Татьяна Ларина перехватила его взгляд, потому что неловким жестом потянула за манжеты.

Нет, каким же скотом надо быть, чтобы поднимать руку на женщину?! Сотворить нечто подобное со своей Женей ему бы никогда и в голову не пришло. *Но ведь тогда...* Именно поэтому *Женя была мертва*.

– Вам требуется помощь? – произнес он медленно. – Быть может, полиция или хороший адвокат...

– Нет! – крикнула женщина, и в ее голосе сквозило отчаяние. – Никакой полиции, никакого адвоката. Это не поможет, вы его не знаете, он такое чудовище...

Она резко смолкла, странным подростковым жестом натянула манжеты на кисти рук и сказала:

– Но дело не в этом! Не в нем! А во мне! И вообще забудьте, что я сказала! Потому что дело исключительно во мне! Чудовище – я! И только я!

Чегодаев отлично понимал, что противоречить не имеет смысла. Рано или поздно, в ходе их сеансов, пациентка поймет, что же является причиной ее страхов. И осознает, что, не исключено, проблема все же далеко не в ней самой, а в том мерзавце, который оставил на ее нежных алебастровых запястьях синяки.

– Но почему? – произнес доктор. – Вы молодая, красивая, ухоженная дама. Нет, вы, конечно же, не чудовище!

Как он и ожидал, его слова вызвали всплеск эмоций.

– Если бы вы знали! – сказала женщина горько. – О, если бы вы знали...

– Так поведайте мне это! – произнес доктор Чегодаев, откидываясь на спинку стула. – Поведайте мне, и мы вместе найдем выход из любой ситуации!

– Из любой? – с явной надеждой спросила пациентка, смотря на него сверкавшими, как изумруды, глазами.

Дмитрий Иннокентьевич почувствовал, что в сердце снова защемило. Жене он тогда тоже обещал, что найдет выход из любой ситуации. А чем это завершилось?

Ее смертью...

– Выход есть всегда! И в наших руках сделать так, чтобы решение было максимально для нас подходящее... – замялся он, понимая, что пациентку этим не убедишь. – Так говорил то ли Гегель, то ли Шлегель...

Это замечание вызвало у той бурный приступ смеха, который разрядил возникшую неловкость. Доктору пришлось снова подать даме бумажные салфетки, ибо смех вдруг перешел в рыдания.

На этот раз он дал ей выплакаться, ничего не говоря и не обещая. Наконец, промокнув глаза салфеткой, гостя произнесла:

– Знаете, а мне ведь полегчало. Вы в самом деле мастер своего дела! Я правильно сделала, что пришла к вам.

Она замолчала, а доктор произнес:

– Я тоже так думаю, Татьяна... Разрешите узнать ваше отчество? Или вы предпочитаете обращение без оногo?

– Татьяна Ларина, как вы наверняка догадались, это мой, так сказать, псевдоним, – произнесла пациентка. – Когда я звонила вашей помощнице, чтобы записаться на прием, то как-то не подумала, что надо назвать вымышленное имя. А настоящее я назвать не могу...

– «Роза при имени прежнем – с нагими мы впредь именами», – процитировал Чегодаев заключительную строчку романа «Имя розы».

Пациентка встрепелась и пробормотала:

– Невероятно! Мой любимый роман! Я ведь еще вчера перечитывала концовку... Да, вы тот, кто мне нужен! Татьяна... Нет, не люблю я этого имени! Зовите меня Ев...

Она запнулась, причем доктор Чегодаев мог поклясться, что пациентка, желая выдать заготовленную фальшивку, чуть было не назвала своего подлинного имени.

Евгения? Неужели ее зовут Евгения? Так же, как и его Женю?

– ...ва... Ева... Да, зовите меня Ева! – произнесла она, словно примеряя на себя это имя.

Доктор, чувствуя, что сердце у него начинает колотиться, как бешеное, вдруг подумал, что если имеется Ева, то должен быть и Адам.

А также змей-искуситель, ведь так?

И рай, из которого тех изгоняют, так же, как и его вместе с *его* Женей изгнали из их персонального радужного рая.

– Ева... – протянул Чегодаев, словно ожидая продолжения. – Просто Ева? Без отчества?

– Разве у той Евы было отчество? – улыбнулась пациентка. – Ведь ее отцом был сам Господь!

– Гм, если учесть, что Ева была создана из ребра Адама, то он, ее муж, был в то же время в какой-то степени ее отцом, что, однако, ставит нас перед неизбежным вопросом инцеста и кровосмешения... – добавил доктор, понимая, что несет околесицу. Да что это с ним? Ведет себя, как влюбленный школьник.

Он что, в самом деле влюбился – в *Еву*? Точнее, в Татьяну Ларину? В пациентку, которую он увидел всего полчаса назад и которая так напоминает ему Женю...

– А знаете, меня всегда занимал вопрос, с кем Каин и Авель завели детей – разве у них были сестры? Чудовищно! Но еще страшнее было бы подумать о том, что из женщин там, кажется, имелаась только их мать Ева. И тогда ведь получается... Нет, это просто кошмарно! – выдала вдруг Ева, и ее лицо осветилось улыбкой.

– Я не настолько силен в теологии, чтобы ответить на этот вопрос, но с точки зрения биологии... – протянул Дмитрий Иннокентьевич. – Видимо, поэтому Каин и кокнул Авеля, потому что он не вынес подобного фривольного образа жизни!

Внезапно улыбка сползла с лица Евы, и женщина прошептала:

– Да, убил! Ведь Каин убил Авеля! Причем ведь как-то... как-то зверски! Там наверняка все было в крови! У него руки все были в крови... Все-все в крови! Прямо как у меня! Как у меня...

Перепад настроения и смена темы были внезапны, что доктору Чегодаеву не понравилось. *Очень не понравилось.*

– Как и у вас? – спросил он осторожно. Главное, не спугнуть настроение пациента. И позволить ему разговориться.

– Да, как у меня! – выдохнула Ева. – Понимаете, доктор... Понимаете... Эти сны... Точнее, я уже не понимаю, сны это или нет... Иногда мне кажется, что сны, но потом вдруг я понимаю, что никакой это не сон, а самая что ни на есть правда! Я смотрю на свои руки – а они в крови! А потом еще этот нож...

– Нож? – произнес Чегодаев. Фаллический символ, который, с учетом синяков на запястьях его пациентки, указывал в направлении ее мужа. Хотя кто знает, у Евы мог иметься любовник. Или даже сын! Не зря она завела разговор о взрослом сыне, сожительствующем с собственной матерью. Но сколько лет Еве? Сказать сложно, но вряд ли больше тридцати... Вряд ли ее сыну, если он у нее есть, больше десяти.

А ведь Жене, будь она жива, тоже было бы примерно столько же лет...

– Эти сны... Избавьте меня от них! – произнесла женщина. – Эта кровь... Я не хочу, я не могу... Потому что я не знаю... Не знаю, сон это или реальность! Иногда у меня создается впечатление, что...

Она замолчала и тихо добавила:

– Что я убиваю людей!

Дмитрий Иннокентьевич к тому времени совершенно успокоился. Что же, случай, кажется, в самом деле тяжелый. И как бы его ни влекло к пациентке (что вообще-то было нарушением всех мыслимых этических норм), единственное, чем он должен был руководствоваться, было здоровье и благо Евы.

– Да, эти сны... – крикнула она.

– Ева... Адамовна... – произнес он, не зная, как ее титуловать. Что же, а почему, собственно, *не так*? – Ева Адамовна, разрешу себе напомнить, что моя специализация – психоаналитическая психиатрия, а именно – психодрама. Вас мучают страшные сны? Могу рекомендовать вам отличного гипнотерапевта, корифея в области онейрологии, науки о снах, профессора Васильева-Дельгадо...

– Только не его! – вырвалось вдруг у Евы, и доктор Чегодаев подумал, что знать профессора, узкого специалиста в своей области, она никак не может.

Или все-таки может?

Возможно, она была у него и осталась недовольной? Но это трудно вообразить, профессор ведь не только специалист с мировым именем, но и крайне чуткий и душевный медик...

– Однако вам требуется помощь того, кто специализируется на гипнотравмах, а это, поверьте, не моя епархия!

– Разве сны – не отражение психодрамы, о которой вы вели речь? – заявила упрямо Ева. – Я слышала, как вас хвалила... Хвалила одна моя подруга! Я знаю, что вы можете мне помочь!

Интересно, о какой подруге идет речь? Зная ее имя, он бы мог узнать настоящее имя Евы. Хотя о чем он думает, это его не должно занимать!

– Ну, хорошо, – сдался доктор Чегодаев, – давайте договоримся, что если после шести сеансов прогресса не будет, то я порекомендую вас другому гипнотерапевту...

Шесть сеансов – это ведь капля в море! За шесть сеансов ничего достичь не получится, и он передаст Еву на руки тому, кто в состоянии ей помочь.

Но ведь она просит помощи у него – отчего он пытается отделаться от нее? *Не потому ли, что она так напоминает ему Женю?*

– Я хочу, чтобы вы мне помогли! – прошептала Ева. – Потому что я не вынесу этого! Понимаете, я убиваю людей!

Они какое-то время молчали. Доктор наконец мягко усмехнулся и сказал:

– Во сне происходит и не такое... Но расскажите подробнее!

– В том-то и дело, что не во сне! – крикнула она. – Точнее, сначала во сне... А потом... А потом мне показалось, что... *Что и наяву!* Ведь может же такое быть, что я страдаю лунатизмом и, сама того не ведая, во сне брожу и... и убиваю людей?

– Отличная идея для второразрядного голливудского триллера! – сказала Дмитрий Иннокентьевич. – Но повторюсь: подобные состояние и их нарушения – не мой конек.

Ева вдруг наклонилась к нему, обхватила его ладони своими руками и прошептала:

– Понимаете, я не могу никому доверять!

Доктор знал, что должен был пресечь подобные действия с ее стороны, но ведь никто не узнает! А ведь на ее месте могла быть Женя...

О, если бы на ее месте была Женя – сидела бы сейчас напротив него и прижимала к себе его руки...

– Но ведь и мне, получается, тоже? Потому что я – часть «всех»! – произнес Дмитрий Иннокентьевич, выказывая остаточные знания университетского курса логики.

– Вы – другой! – произнесла с убеждением Ева. – Да, вы другой! Вы мне поможете!

Потом, вдруг наверняка поняв, что уж слишком долго сжимает его руки, она отпрянула, закинула ногу на ногу и произнесла:

– Понимаете, эти сны... Я путаю сны и реальность. И мне кажется, что сон – это реальность, а реальность – это сон! И так со мной в последнее время часто! Но не это страшно... Страшно, что я убиваю людей! Во сне... Кровь, везде кровь... И потом, черепахи...

– Черепахи? – переспросил доктор, но пациентка его словно и не слышала, продолжая:

– Сначала это были незнакомые люди. Точнее, может, и знакомые, но я не видела их лица. А вот недавно я увидела лицо того, кому перерезала ножом горло. Это был он!

– Кто? – спросил доктор, чувствуя, что в горле у него пересохло. Уж как-то слишком *жутко и обыденно* вела Ева речь о страшных, небывалых вещах.

– Он! – повторила женщина, словно не слыша его. – Он! Да, я знаю, что ненавижу его. Хотя одновременно и люблю... Но все-таки больше ненавижу, чем люблю. О, это нельзя объяснить, это надо чувствовать!

Как же она права! Многое нельзя передать словами – можно только облечь в чувства. Ведь как он бы мог объяснить, что значит для него смерть Жени? Это надо пережить, это надо прочувствовать...

Хотя он отдал бы все что угодно, лишь бы не переживать и не прочувствовать.

Все что угодно...

– Да, я увидела, что это его лицо! А потом... Потом вдруг все исчезло. Я поняла, что это был сон... И что он рядом со мной, в кровати, что еще ночь... А в руках у меня... В руках у меня нож!

Доктор вздрогнул, а Ева прошептала:

– Причем нож особый... Не какой-то столовый... А охотничий... У нас такого никогда и не было! Потому что он охотой не увлекается... на животных во всяком случае. Бизнес – его страсть! И вдруг у меня в руках нож! Точнее, все тело болит, как будто я бегала часами. Рука под подушкой, сжимает рукоятку этого дрянного ножа!

Женщина смолкла, а потом сказала:

– И знаете, я ведь его выбросила! Поехала в центр, велела Игорю остановиться на набережной, вынула завернутый в свой шарфик нож и швырнула его в Москву-реку. Но ведь это не прекратилось! Только ухудшилось! Потому что потом эти сны... И я, придя в себя, вдруг поняла, что стою в ванной, течет вода, а в нашем малахитовом рукомыльнике лежит нож. Тот самый, который я выбросила в реку! И он весь в крови, и весь рукомыльник в крови, и я вся в крови...

– Это наверняка был сон! – выдавил из себя Чегодаев, а Ева схватила сумочку, распахла ее и вынула из нее нечто, завернутое в прозрачный пластиковый пакет.

Это был солидный, остро заточенный *нож*. И правда охотничий. *С запекшимися буровато-красными пятнами на лезвии и рукоятке.*

– Я ведь его снова выбрасывала! И в реку! И оставляла в ресторане. И швыряла в канализационную решетку. Но он потом снова возвращался ко мне! Как будто... Как будто это моя судьба! И с каждым разом все становилось хуже! И кровь, везде кровь!

Чегодаев молчал, а Ева прошептала:

– Знаете, что я думаю? Что я на самом деле его не выбрасывала! Что я только вообразила, что выбрасывала! Или, точнее, выбрасывала, но не нож, завернутый в шарф, а нечто иное! А сама прятала его где-то и потом доставала... Доставала, чтобы *снова убивать людей!*

– Ну что же, Ева Адамовна... – протянул сипло Дмитрий Иннокентьевич. – Должен сказать, что...

Но женщина, казалось, его не слышала. Она прошептала:

– И ведь я знаю, что хочу убить его! И я боюсь, что сделаю это! Я же говорю вам, что схожу с ума! Помогите мне, пожалуйста!

А затем, охнув, съехала на пол. Доктор Чегодаев, убедившись, что пульс есть, ринулся в приемную, чтобы позвать на помощь Марину. Но той на месте не было, и, как назло, затрещал ее телефон. Он схватил трубку – оказалось, что это одна из пациенток, причем такая, которую не сразу отошьешь. Муж дамы, именуемый ею исключительно пупсиком, был человеком крайне влиятельным, и злить его жену, особу капризную и сумасбродную, было себе дороже.

– Дмитрий Иннокентьевич, голубчик, вы должны меня немедленно проконсультировать! Мы летим на острова, а я совершенно не понимаю, как мне поступать с продолжением терапии, потому что если я ее прерву, то снова начну много есть, а если я начну снова много есть, то мой пупсик опять заведет себе какую-нибудь молодую дылду, в результате чего...

Наконец появилась Марина, которой он и передал трубку – говорливая пациентка так и не заметила, что психоаналитик ее не слушает. Схватив коробку с красным крестом, доктор метнулся обратно в кабинет. Еве требовалась помощь!

Но никакой Евы в кабинете не было.

Доктор в недоумении уставился на ковер, на котором оставил лежать бесчувственную пациентку. Не могла же она спрятаться! Но на всякий случай Чегодаев осмотрел весь кабинет, заглянул под стол, за диван, открыл дверь в санузел. Евы нигде не было!

Спрятаться она не могла, но, быть может, он переутомился, и у него были галлюцинации?

И тут он заметил шарф, золотистый шарф Евы, который лежал на пороге смежной комнаты. Он прошел в нее – и увидел настежь распахнутое окно. Так и есть, самым простым образом пташка упорхнула из окна, минуя центральный вход! Его кабинет ведь располагался на первом этаже старинного особняка!

От осознания этого полегчало – *нет, все-таки не галлюцинация!* Но вдруг Дмитрий Иннокентьевич понял, что упустил пациентку.

Упустил Еву. *Или Женю?*

Внезапно поняв, что уйти далеко она не могла, доктор Чегодаев опрометью выбежал из своего кабинета. Секретарша Марина Аристарховна, завидев шефа, сделала страшные глаза и отчаянно заверещала:

– Да, конечно, вот и Дмитрий Иннокентьевич... Просто он отошел, потому что у него сложный пациент...

Она протягивала ему трубку, ведь жена влиятельного человека, того самого пупсика, все еще желала получить консультацию.

– Дмитрий Иннокентьевич! – произнесла умоляюще секретарша, и психоаналитик, схватив трубку, отрывисто произнес:

– Если не желаете потерять мужа, не ешьте много. Все очень просто. Не жрите, как говаривала Фаина Раневская. Впрочем, если ваш пупсик снова решит завести любовницу, то

его ничто не остановит. Потому что такие уж все эти пупсики! Расслабляйтесь, наслаждайтесь жизнью и помните, что все в любой момент может закончиться. Желаю вам отличной поездки!

И, не слушая стонов удивленной и рассерженной клиентки, элементарно бросил трубку. Чувствуя на себе пронзительный взгляд Марины Аристарховны, доктор Чегодаев отрывисто произнес:

– Больше никаких звонков не принимать!

Потом он вдруг подумал, что Ева может передумать и попытаться дозвониться. Поэтому, будучи уже в дверях, развернулся и приказал:

– Нет, конечно же, принимайте! И тотчас оповестите меня, когда объявится Татьяна... Татьяна Ларина. Ну, или Ева, та самая пациентка, которая сейчас была у меня!

– А разве она все еще не у вас? – донесся в спину удивленный голос Марины, но доктор Чегодаев уже вылетел на улицу. Итак, она ведь упоминала что-то об автомобиле и о шофере Игоре. Ева должна быть где-то неподалеку!

Однако ее нигде не было. Он сначала рванул в одну сторону, потом в другую. Но пациентка бесследно исчезла. И только выбежав на оживленный, как обычно, заполненный людьми Новый Арбат, Дмитрий Иннокентьевич понял, что до сих сжимает в руках золотистый шарф Евы, от которого веяло тонкими чарующими духами.

Вот же она! Психолог заметил Еву, которая садилась в длиннущее черное авто. Он, едва не налетая на прохожих, ринулся к ней. Он уже было достиг цели, как путь преградил ему невесть откуда взявшийся молодой бритоголовый амбал. Наверняка телохранитель или так называемый персональный референт.

– Куда прешь, мужик! – процедил он, кладя руку на пояс и чуть откидывая пиджак – сразу стало видно, что под оным у амбала кобура.

– Ева Адамовна! – крикнул отчаянно доктор Чегодаев, и женщина, уже почти исчезнувшая в недрах лимузина, обернулась.

Нет, это была не Ева, а всего лишь какая-то очередная богатая ухоженная дамочка. И как он мог вообще спутать ее с Женей...

Нет, Женя была мертва. Конечно же, с Евой!

Бормоча извинения, доктор попятился. Амбал, кажется, попытался ухватить его, но доктор вывернулся и бросился бежать в обратном направлении.

Итак, он потерял ее. Так же, как потерял тогда Женю. Не оставалось ничего другого, как вернуться обратно в свой врачебный кабинет. Марина Аристарховна, восседая на своем месте, окинула его странным взглядом.

– А знаете, это подействовало! – сказала она с удивлением. – Жена пупсика ведь снова звонила. Я, конечно же, приняла звонок – как же иначе! Вы же не хотите лишиться клиентуры и заполучить реноме грубияна. И она благодарила вас – за то, что вы открыли ей глаза! Кажется, ваша шоковая терапия возымела успех!

Раньше бы это порадовало доктора Чегодаева, но в этот раз все было иначе.

Ведь он упустил Еву!

– Пациентка Татьяна Ларина оставила свои контакты? – спросил он, понимая, что даже если это и так, то вряд ли имеет смысл звонить и спрашивать, придет ли она к нему на прием еще раз.

Но Марина только развела руками – нет, не оставила. А телефонный номер не был зафиксирован, потому что, записываясь на прием, пациентка не сообщила его.

Вздыхнув, доктор вернулся в свой кабинет и уставился на шарф, который он держал в руках. Внезапно он поднес его к лицу и полной грудью втянул аромат духов.

Ведь это был любимый парфюм Жени!

И заметил собственный блокнот, лежавший на полу, а также валявшийся подле карандаш. Он ведь не успел ничего записать, однако на листе виднелось несколько фраз. Подняв его, Чегодаев понял, что Ева оставила весточку.

Почерк у нее был неровный, торопливый, изящный.

«Уважаемый Дмитрий Иннокентьевич! Извините, что мне пришлось прибегнуть к этому трюку, но я вдруг поняла, что не имею права втягивать вас в эту историю. Потому что она касается только меня и моего мужа. Думаю, никто не в состоянии мне помочь. Вот почему я ухожу столь нетривиальным образом, по-английски. Желаю всего вам наилучшего! Меня ждут, мне нельзя опаздывать. Е.»

Е. Ева? Или Евгения? Доктор несколько раз перечитал ее послание, еще раз глубоко вздохнул и вернулся в приемную.

– Так куда же делась ваша пациентка? – спросила с любопытством Марина. – Неужели в окно упорхнула?

Доктор ничего не ответил, а женщина развела руками и воскликнула:

– Вот это да! Хорошо, что она за шесть сеансов заплатила! У вас ничего не пропало?

Доктор мотнул головой – и как Марина может нести подобную околесицу! И вдруг его словно током пронзило.

– Она ведь наличными платила? – произнес он. – Марина Аристарховна, милая моя, а можно ли выяснить, кто наша пациентка на самом деле?

Секретарша усмехнулась и произнесла:

– Да, я этим займусь. Ведь особа производила впечатление светской львицы! А сама в окно вылезла. Так вы уверены, что она ничего не стащила?

Тут на доктора снова снизошло вдохновение. Ева не только ничего не украла, она кое-что оставила! И не только свой шарфик, но и стильный пакет со стильными покупками в комнате ожидания.

Он быстро прошел туда и увидел бумажный пакет, по-прежнему стоявший около кресла, в котором сидела когда-то Ева.

Сомнения охватили его, имел ли он право... Конечно же, имел! Он всего лишь хотел вернуть клиентке то, что ей принадлежало.

Он осторожно раскрыл пакет, запустил в него руку и извлек что-то эфемерное, кружевное.

Доктор Чегодаев покраснел. Еще бы, ведь это было дамское исподнее. Как на грех, Марина наверняка видела, как он вынимал это из пакета.

– Гм, заберите это! – произнес он, возвращаясь в приемную и водружая пакет на стойку, за которой сидела Марина Аристарховна. – И кстати, можно ли определить, где это было приобретено?

Марина оказалась сноровистей его и вытряхнула содержимое себе на стол.

– Ага, вот и чек! Ничего себе! Она белья себе на такую сумму накупила, которую я и за год не получаю! А тут ведь всего пара трусиков и бюстгальтер...

Доктор старался не коситься на чужое белье. Марина же протянула ему чек и поставила перед ним пустой пакет.

– «Пелегрина». Смотрите, тут и на пакете то же написано. Куплено, судя по чеку, за полчаса до того, как ей было у вас назначено.

– «Пелегрина»? – наморщил лоб Дмитрий Иннокентьевич. – Никогда не слышал!

– Еще бы, это ведь самый крутой бутик женского белья в столице! – заявила с явной завистью в голосе Марина Аристарховна. – Кстати, у меня там двоюродная сестра работает...

Доктор встрепенулся и уставился на Марину Аристарховну. *Она была самым настоящим сокровищем!*

– А ваша двоюродная сестра... – начал он и запнулся. А затем продолжил: – А не может ли ваша двоюродная сестра помочь установить личность нашей пациентки?

Марина осторожно запихнула нижнее белье в пакет и произнесла:

– Не знаю, поговорю с ней. А если пациентка снова объявится, что сказать?

Доктор, уходя к себе в кабинет, произнес:

– Она не объявится!

Да, Ева не объявится. Потому что решила не втягивать его в историю. *Только ведь она уже его втянула!* Он же не мог бросить ее одну! А Еве требовалась помощь.

Доктор Чегодаев отлично понимал, что если пациент не хотел продолжения терапии, то ничего поделать было нельзя. Можно, конечно, попытаться переубедить его, но для этого нужно иметь возможность поговорить с пациентом.

Такой возможности у него не было. И Ева ясно дала понять, что искать ее не требуется.

Однако ее записку можно трактовать и как крик о помощи. И она впервые упомянуло того, кого она боялась. *Своего мужа*. Видимо, это тот человек, которому она во сне перерезала горло.

А что, если...

Доктор прижал шарф к лицу, а потом быстро засунул его в ящик стола. Будь на месте Евы жена пупсика, он бы, конечно, и пальцем не пошевелил. Так отчего же он бросается сейчас грудью на амбразуру, рискуя многим, в том числе и собственной карьерой?

Потому что Ева так похожа на Женю! Но ведь это ужасно! *Или, наоборот, прекрасно?*

Ибо, потеряв одну, он не может потерять и вторую!

Ночь прошла беспокойно – над Москвой разразилась сильная гроза, и Дмитрий Иннокентьевич, ворочаясь с боку на бок в собственной постели, никак не мог уснуть. В голову лезли разнообразные, не самые приятные, мысли.

Хотя пациентка и исчезла, он все равно размышлял над ее историей болезни. Хотя для диагноза, даже самого поверхностного, у него было крайне мало сведений! *И все же...*

Она вела речь о том, что в последнее время не понимает, что является сном, а что – явью. Вдруг оказывалась в незнакомых местах, хотя не помнила, что направлялась туда. Затем эта история с охотничьим ножом и кровью...

И уверенность Евы в том, что она убивает людей!

Все это было плохо, очень плохо. И могло свидетельствовать о любом, но явно опасном развитии событий.

То, что она была фантазеркой, истеричной особой, которая выдумала дикую историю и заявила на прием к модному психоаналитику, Дмитрий Иннокентьевич исключил немедленно. Нет, Ева была не из разряда великосветских бездельниц, загружающих своими проблемами, по большей части несуществующими, медиков, которые берут за это огромные гонорары.

Сочинять нечто подобное Еве было совершенно не с руки, да и помимо всего прочего ей следовало тогда быть незаурядной актрисой, потому что страх и ужас, которые излучала женщина, были такими реальными, такими неподдельными...

Конечно, об обмане, случайном или тем более намеренном, речи и быть не могло! Доктор перевернулся на другой бок и натянул одеяло, слушая, как в окно хлещет дождь.

Уж лучше бы она была выдумщицей или ипохондричной особой, потому что иные варианты были намного хуже. *Намного...*

Ева могла быть элементарно больна – *психически больна*. Например, шизофрения. Или ориентированное сумеречное состояние сознания. В конце концов, имели место и признаки синдрома множественной личности. И, живя в одной ипостаси, ипостаси Евы, пациентка

не имела понятия, что творила, когда доминантной на какое-то время становилась ее иная ипостась – личность убийцы!

Доктор Чегодаев вспомнил подобный нашумевший случай, имевший место в богемных столичных кругах пару лет назад. Убийца до сих пор находился в коме, обитая, вероятно, в своих кровавых фантазиях.

Что же, если это так, то Еве требуется помощь, причем не только психоаналитика, сколько хорошего психиатра. В подобной ситуации придется исходить из долгого медикаментозного лечения, возможно принудительного, наверняка в стенах закрытого психиатрического учреждения.

Однако почему он думает о подобных ужасах? Возникновению ее галлюцинаций имелись и другие объяснения. Например, самое прозаическое: *наркотики*. Однако она не производила на него впечатления наркоманки.

Да, Ева была напугана, она была далеко не в лучшем физическом состоянии, однако он видел ее руки. На запястьях синяки, но следов от инъекций нет. Что, однако, не исключало, что она кололась в другое место или принимала наркотические вещества перорально.

И все же, и все же... Он рассуждает не только как врач, а практически как судья, вынесший суровый приговор. Почему он исходит из того, что виновата во всем Ева?

Ведь виновником ее состояния мог быть кто-то другой! Если отбросить версию о расщеплении личности (уж слишком отдает голливудским триллером), а принять за истину версию о, скажем, наркотиках, то возникает вопрос – знает ли Ева, что принимает их?

Одно дело, если она сама, более или менее по собственной воле, стала наркоманкой. И совсем другое – *если ее кто-то сделал таковой!* Ибо это не так уж и трудно. Надо только регулярно подмешивать жертве в пищу какую-то галлюциногенную гадость – вот, собственно, и все!

Но кто может делать такое? Только тот, кто живет с жертвой бок о бок. Тот, кому она доверяет. Тот, кто отчего-то желает избавиться от Евы – или свалить на нее некие, пока что исключительно гипотетические, преступления.

Исключительно гипотетические?

Доктор Чегодаев снова прокрутил в голове рассказ Евы. Например, о том, что в руках у нее был охотничий нож. А перед ней – тело с множеством ножевых ранений...

Ведь что интересно – если бы она в самом деле, находясь в трансе, убила кого-то, причем столь жестоким образом, то из ран сочилась бы кровь. Но, судя по рассказу Евы, кровь уже давно свернулась. *Значит, труп был не самый свежий.*

Кроме того, если в иступлении наносить удары по чьему-то телу, причем при помощи зазубренного охотничьего ножа, то кровью будут забрызганы не только руки, но наверняка и вся одежда и лицо. Да и кромсать человеческое тело не такое уж легкое занятие, потом все мышцы будет ломить. *А ведь Ева была изящной хрупкой особой...*

И это могло означать следующее – *кто-то методично пытался внушить Еве, что она совершает убийства*. Ведь, как он уже сам установил, нет ничего проще сделать из человека наркомана так, чтобы тот не заподозрил этого. А потом, когда Ева отключилась, привезти ее в эти самые трущобы, сунуть в руки нож, поставить рядом с трупом...

И сделать так, чтобы несчастная думала, что это она сама совершила убийство!

Или даже *убийства!*

Доктор снова перевернулся на другой бок, потом поднялся с кровати, включил свет и, щурясь, босиком отправился на кухню. Гроза продолжала бушевать, а его собственные мысли тоже превратились в некое подобие торнадо. Нестерпимо хотелось черного кофе и сигарету. Вообще-то Женя была категорически против того, чтобы он курил, и он после ее смерти пытался сдерживаться, но не всегда выходило...

Попивая обжигающий напиток и наслаждаясь сигаретой, Дмитрий Иннокентьевич стоял перед окном, по которому хлестал дождь, и, всматриваясь в непроглядную темень, продолжал размышлять.

Итак, кто сказал, что такого быть не может?! Ведь у всего имеется логическое объяснение, даже у самых нелогичных вещей! Вот, к примеру, этот нож, который выбрасываешь-выбрасываешь, а он опять к тебе возвращается, как будто заколдованный.

Если отместить версию о том, что нож в самом деле проклят, остается вариант, Евой самой предложенный, что она выбрасывала вовсе не нож, а нечто иное, думая, однако, что это нож.

Но ведь имелось и иное, еще более интересное предположение. Да, Ева постоянно выбрасывала нож – в Москву-реку, и в канализацию, и в урну, и намеренно забывала в ресторане. *Однако нож снова и снова оказывался у нее под подушкой.*

Но кто сказал, что это был *один и тот же нож*? Ведь может статься, что модель ножа была одна и та же – но это были различные экземпляры, правда как две капли воды похожие друг на друга!

А вот это уже было крайне занятно. Получается, что кто-то намеренно доводил Еву до сумасшествия. Кто-то методично внушал ей мысль, что она – убийца. Кто-то пичкал ее наркотиками и психотропными препаратами. Кто-то инсценировал убийства – и, не исключено, совершал настоящие убийства, делая все так, чтобы Ева считала, что убийца – она сама.

И постоянно, раз за разом, подкладывал ей под подушку новый охотничий нож – после того, как Ева избавлялась от предыдущего экземпляра.

Докурив сигарету, Дмитрий Иннокентьевич схватился за новую. Бушевавшая над столицей буря стала наконец утихать. Но ветер еще выл, а Чегодаев лихорадочно раздумывал.

Кто же это может быть? Этот зловещий мистер Икс? Этот человек должен жить вместе с Евой. Он должен знать ее распорядок дня. Он должен иметь доступ к ее спальне. Он отчего-то желает ей зла.

Муж.

Тот самый муж, лицо которого она видит в снах. Что же, это тоже вполне объяснимо. Ева чувствует незримую угрозу, исходящую от него, и в ее снах она трансформируется в мотивы подобного рода.

Видимо, муж и есть тот монстр, о котором она вела речь и которого она так боится!

Но зачем мужу Евы устраивать весь этот кошмарный спектакль? Ответ один – он до такой степени ненавидит Еву, что готов уничтожить ее. И ему мало того, чтобы она умерла, ему хочется, чтобы ее признали виновной и в преступлениях, которые она не совершала.

Да он просто монстр!

Дмитрий Иннокентьевич схватил третью сигарету, однако огромным усилием воли засунул ее обратно в пачку.

Значит, надо действовать, причем как можно быстрее и слаженнее. Потому что если его предположения верны, то Еве угрожает опасность – *смертельная опасность.*

В субботу доктор Чегодаев наведлся в кафе около шикарного бутика «Пелегрина», где его приняла двоюродная сестра Марины Аристарховны, Ирина, особа, как и сама его секретарша, одевавшаяся вычурно, правда с рыжими, уложенными в экстравагантную прическу волосами и низким прокуренным голосом. Семейное сходство бросалось в глаза, однако двоюродная сестра была явно старше.

– В бутике вам лучше не появляться, – произнесла она, – потому что моей суровой начальнице вопросы наверняка не понравятся. Еще бы, мы ведь не имеем права выдавать сведения о наших клиентах...

Доктор Чегодаев горячо поблагодарил родственницу Марины Аристарховны, и та бросила взгляда на пакет с бельем, который доктор прихватил с собой.

– Ага, все ясно! – сказала она. – Ну да, так и есть, вчера было куплено. Правда, обслуживала ее не я, а Анастасия...

– Вы знаете покупательницу? – произнес, чувствуя, что пульс у него внезапно подскочил, доктор Чегодаев.

– Ну, не то чтобы знаю... Понимаете, я ведь не подруга наших клиенток, а всего лишь обслуживающий персонал, которому зачастую приходится сносить капризы богатых особ. Да, так и есть... Ее зовут Евгения Александровна...

Евгения! Так и есть, Евгения! Его словно током ударило. Дмитрий Иннокентьевич, едва не перевернув чашку с кофе, которая стояла перед его гостьей, произнес:

– Ее точно так зовут?

– Ну, паспортные данные мы у наших клиенток не проверяем, – усмехнулась особа. – Но Евгения Александровна время от времени навещается к нам. Кстати, я вчера обратила внимание, что она выглядела не ахти. И была явно чем-то обеспокоена. Впрочем, такое в этих кругах весьма распространено – наркотики, я хочу сказать...

Доктор Чегодаев судорожно сглотнул. Оказывается, не надо быть даже врачом, чтобы прийти к этому выводу, а всего лишь внимательной продавщицей в бутике нижнего белья.

– А какая фамилия у этой Евгении Александровны? – спросил Чегодаев.

Кузина Марины вновь усмехнулась:

– Я же сказала, что паспортные данные мы не спрашиваем. Во всяком случае, она явно не из бедных. Появляется нечасто, кажется, ее привозит шофер на «Майбахе». А вчера вот она пришла пешком! Мы еще все удивлялись, почему без шофера... Да и вещи выбирала наобум, взяла то, что первое под руку попало...

Доктор кивнул – итак, все укладывалось в логическую схему. Без шофера, потому что тот наверняка донес бы своему хозяину, *мужу Евы*, что та посещала не только бутик, но и психоаналитика.

Ева... Хотя она была на самом деле Женя... Но Женя имела только одна – его собственная. Так что пусть это будет Ева...

Наверняка Ева придумала какой-то ловкий трюк, чтобы отослать шофера и заполучить возможность пойти на прием. Вероятно, времени у нее было не так уж много, не исключено, что этим и объясняется ее внезапное исчезновение. Наверняка так и было! Она ведь упомянула, что ее ждут!

Кто ждет? Шофер? *Или муж?*

– Однако если надо, то я постараюсь выяснить, – добавила кузина. – Марина сказала, что вам это требуется. А раз Марина сказала, значит, так оно и есть. Она ведь от вас без ума!

Дмитрий Иннокентьевич не сразу сообразил, что речь идет о Марине, его собственной секретарше, которая от него без ума. Отчего-то он вообразил, что речь идет о Еве.

Нет, что за ерунда! Он ведь давно переступил запретную черту, пытаясь разыскать пациентку, которая ясно дала понять, что его помощь ей более не требуется. Но сделал он это только для того, чтобы помочь Еве. И уберечь ее от смертельной опасности, которая нависла над ней.

Ибо в том, что над Евой нависла смертельная опасность, Дмитрий Иннокентьевич нисколько не сомневался.

– Конечно, напрямую я задавать вопрос не могу, потому что у нас в бутике еще те стукачки работают, все начальству доносят. Но, думаю, сумею узнать фамилию этой Евгении Александровны. Если имя и отчество, конечно, подлинные!

В том, что они подлинные, доктор Чегодаев тоже не сомневался.

Поблагодарив кузину Марины, он связался с секретаршей, которая была удивлена услышать его голос субботним днем.

– Ваша двоюродная сестра просто прелесть! – заявил он, памятуя о том, что, по словам этой прелести, Марина от него без ума. Впрочем, у Марины же имелись муж, взрослый сын и дочка!

– И, кстати, я хотел бы узнать, как продвигаются дела с установлением личности Татьяны Лариной...

Марина, кажется, была не особо довольна его субботним звонком, заявила, что пока что не сумела ничего узнать и что раньше понедельника или вторника информации никакой не будет.

Осознав внезапно, что поступил крайне бесцеремонно, доктор Чегодаев извинился, пожелал хороших выходных и повесил трубку. Руки у него слегка дрожали. И почему он ведет себя столь неадекватно?

Ответ был очевиден – он хотел во что бы то ни стало помочь Жене... *Да нет же, Еве!*

Жене он тоже пытался тогда помочь, но было поздно, слишком поздно... И он не простит себе, если эта ситуация повторится снова! И он потеряет женщину, которую...

Он запнулся. Нет, он любил и любит только Женю! А Ева – всего лишь пациентка, которая оказалась в крайне запутанной и опасной ситуации. Несчастливая стала жертвой изощренной интриги, которую затеял – и в этом сомнений уже не было – ее собственный супруг. И он действовал так, как и подобало лечащему врачу и просто мужчине: он пытался помочь Еве. И ничего более...

Так ли это?

Доктор отправился в свою консультацию. По субботам он не принимал – когда-то, на заре карьеры, было иначе, однако теперь он мог позволить себе трудиться только пять дней в неделю.

Ведь с Женей они строили планы... Хотели стать родителями трех, возможно даже четырех, малышей. Жить вместе и умереть в один день и час...

А в итоге умерла она, и ведь в этом была его вина! Дмитрий Иннокентьевич прошел в кабинет, опустился в кресло, выдвинул ящик стола и вынул из него золотистый шарф Евы. Он поднес его к лицу, полной грудью вдохнул тонкий аромат духов...

Женя... *Нет, Ева...* Или все-таки Женя?

В голове что-то щелкнуло, Чегодаев положил шарф обратно в ящик и поспешно задвинул его. Он виновато посмотрел на пакет с бельем, который покоился на низком столике. Все же копошиться в интимных вещах незнакомых людей подло и гадко.

Но ведь Женю он знал так давно! *Нет же, не Женю, а Еву...*

Встав из-за стола, он схватил пакет, свернул его и также поместил в ящик стола. А затем закрыл его на ключ, вынул его и, подойдя к полке, швырнул в стоявшую на ней странной формы вазу.

Так-то лучше! А то он уже походил на маньяка-фетишиста, который хватается белье объекта обожания и, капая слюной, рисует в своем больном воображении самые непристойные картинки.

Картинка, которая вспыхнула в мозгу доктора Чегодаева, была не непристойной, а ужасной. Чье-то тело, покоящееся на щербатых кирпичах, обезображенное множеством ножевых ранений. А рядом – испуганная и дезориентированная – Ева, сжимающая в руках охотничий нож.

И помимо этого некто, Евой не замеченный, притаившийся на заднем плане и получающий огромное удовольствие от ее страданий и уверенности в том, что именно она кого-то только что убила.

Вот именно, *убила!* Ведь во всем этом деле должен быть труп, причем даже не один, потому как Ева вела речь о том, что *она убивает людей*. Нет, не одного человека убила, а людей!

Быть может, все эти кошмары – всего лишь результат наркотического опьянения и галлюцинаций, вызванных приемом психотропных препаратов. Но Дмитрий Иннокентьевич не сомневался, что труп должен иметься.

Или даже трупы.

Потому как, пичкая человека подобной гадостью, нельзя быть уверенным в том, что у него возникнет та или иная галлюцинация. А кому-то требовалось, чтобы Ева считала себя убийцей. Так как же этот некто мог гарантировать возникновение именно такого кровавого видения?

Вот именно, только устроив кошмарную инсценировку. И вряд ли тело было резиновым. Или некто изображал труп. Нет, это и был труп – самый что ни на есть настоящий. Ради того, чтобы убедить Еву в том, что она – сумасшедшая, некто пошел на убийство. *Или даже убийства.*

А это значило, что имелись следы. Потому что мертвое тело, в особенности человеческое, просто так в воздухе не растворяется. Тот, кто совершил убийство или даже убийства, должен избавиться от «продукта».

Доктор Чегодаев вздохнул, понимая, что в субботу, тем более такую хорошую и солнечную, последовавшую за грозой в пятницу, никто не хочет, чтобы ему звонили и задавали вопросы о трупах. *Но не ждать же до понедельника!* Каждая минута была дорога.

Все же в том, что лечение у него проходили люди влиятельные и состоятельные, было свое преимущество. Он знал, что супруга одного высокопоставленного чина в МВД боготворит его, своего психоаналитика, оказавшего ей действенную помощь.

Застал он даму, как и ожидал, за городом – она как раз готовилась к небольшому, как она мило выразилась, рублевскому сабантую. Времени у нее, конечно же, было в обрез, но она тотчас подозвала к телефону своего супруга, человека немногословного, однако, как знал доктор, тоже ему крайне признательного за удачный курс лечения.

Говорить правду было глупо и опасно, поэтому пришлось изобретать историю о книге о маньяках, над которой он якобы работал.

– В связи с этим мне хотелось получить информацию о нераскрытых убийствах подобного рода в Москве и окрестностях. В особенности о тех, которые имели место недавно...

Он перевел дух, опасаясь, что эмвэдэшник уличит его во лжи, но тот продолжал сопеть в трубку.

– И именно произошедших по этой схеме – тело найдено где-то в трущобах или на свалке, к примеру. И причиной смерти стали множественные колото-резаные ранения в грудь...

Тип все еще молчал, и доктор осторожно добавил:

– Не исключено, что речь идет о молодой особе... Которая была полностью нага...

– Сделаю, что могу! – произнес наконец эмвэдэшник, а потом отключился. Доктор Чегодаев немедленно понял, что допустил ошибку. *Он ведь подставил Еву!* Этот тип сейчас поставит на уши весь свой аппарат, пошлет к нему своих людей, они потащат его на допрос и...

Думать об этом не хотелось. Суббота тянулась невероятно долго, а потом вдруг внезапно завершилась. Он снова долго не мог уснуть, но потом усталость взяла свое, и Дмитрий Иннокентьевич провалился в сон.

Разбудил его звонок мобильного. Спросонья задев его рукой, доктор уронил телефон на пол. Пришлось долго ползать по паркету, стараясь выудить залетевший под кровать аппарат, издававший пронзительные звуки.

На связи был эмвэдэшник.

– Я собрал для вас кое-какой материалчик. Прошу, однако, использовать исключительно для ознакомления. Никакой публикации в прессе или книжных проектах. Вам его доставит курьер.

Доктор Чегодаев начал усердно благодарить этого типа, а тот прервал его:

– Вы мне вернули мою жену с того света. Я этого никогда не забуду. Спасибо вам, доктор!

И в своей лаконичной манере отключился. Дмитрий Иннокентьевич отправился пить кофе, рассчитывая, что до приезда курьера успеет еще принять душ. Но тот явился на редкость быстро, Чегодаев не успел еще даже позавтракать.

Молодой тип с жестким лицом и в форме вручил ему пакет из плотной бумаги и, пожелав отличного воскресенья, удалился. Что ни говори, а знакомство с сильными мирами сего имело свои преимущества.

Доктор Чегодаев расположился на кухне и раскрыл запечатанный сургучными печатями пакет. На стол выскользнули фотографии, которые заставили его вздрогнуть. Он увидел рыжеволосую нагую женщину, точнее девушку, которая в странной позе лежала на черной земле.

Лицо несчастной было безмятежно, а грудь и живот представляли собой кровавое месиво. Дмитрий Иннокентьевич отвел взгляд, а затем быстро заставил себя просмотреть серию фотографий.

Имелась и сухая короткая докладная записка. Тело двадцатидвухлетней Зои К. было обнаружено две недели назад на окраине столицы. По подозрению в убийстве был задержан некий безработный и без определенного места жительства Виктор О.

Доктор присмотрелся к фотографиям – и снова вздрогнул. *Ева вела речь о черепахах.* Он не мог понять, что это значило. А теперь понял. В мочках ушей несчастной Зои были забавные, кажется серебряные, серьги-«гвоздики», изображавшие крошечных черепашек с рубиновыми глазами.

Дмитрий Иннокентьевич прошелся по кухне, а затем принялся изучать докладную записку.

В ней не исключалось, что в данном случае речь шла о деяниях серийного характера, потому как Виктор О. представлялся более чем неподходящим кандидатом в убийцы.

Давались указания на другое подобное убийство, случившееся в прошлом месяце. Жертва была искромсана при помощи холодного оружия. Правда, на этот раз речь шла о пенсионерке. Да и убийство произошло на другом конце Москвы, в лесопарке.

Еще одно убийство!

Наконец, еще в конце прошлого года празднующаяся молодежь натолкнулась во время совместного распития спиртных напитков в овраге, служившем одновременно свалкой, на тело девочки, исчезнувшей еще в начале ноября. Несчастливая девятилетняя школьница также была искромсана ножом, однако следствие пришло к выводу, что это дело рук ее отчима, отмотавшего несколько сроков на зоне, в том числе и за изнасилование несовершеннолетней, задержанного и даже уже давшего признательные показания, впрочем вскоре от них отказавшегося.

Ева вела речь о том, что она убивает людей! Не исключено, что жертв на самом деле больше. Если бы находили молодых обнаженных рыжеволосых девиц или искромсанных девятилетних школьниц, то и правоохранительные органы, и желтая пресса давно забили бы тревогу. Еще бы, в столице завелся очередной маньяк.

А так – всего лишь одиночная жертва психопата-отчима, к тому же судимого. А до этого – некая пенсионерка, ставшая, не исключено, жертвой лютого грабителя-гастролера.

Тот, кто убивал, действовал крайне осмотрительно. О том, что в этих смертях виновата она, не сомневалась, похоже, только сама Ева. И осознание этого кошмара заставляло ее медленно сходить с ума.

Никто же не искал маньяка, потому что жертвы были такие разные. Да и находили их в разных местах, на большом отдалении друг от друга. В двух случаях имелись даже конкретные подозреваемые, а в случае с пенсионеркой был отчетливо виден след гастролера.

Точнее, кто-то прикладывал все усилия, чтобы это все выглядело как разрозненные убийства. Непонятно было следующее: если некто хотел повесить убийства на Еву, то почему не сделал так, чтобы все указывало именно в этом направлении? Можно было подкинуть изобличающие ее улики, оставить на оружии отпечатки ее пальцев...

Но тот, кто планировал и совершал эти убийства, не спешил. И доктор Чегодаев даже догадывался, отчего именно.

Если бы улики однозначно изобличали Еву, то существовала опасность, что при их детальном изучении вскрылось бы, что Ева совсем даже невиновна. А так – намеки, предположения, версии. Сопровождаемые медленной пыткой и уверенностью самой Евы, что она – убийца и постепенно сходит с ума.

План был изощренный и бесчеловечный. Доктор Чегодаев поежился и сжал кулаки. И наплевать, что вся история на первый взгляд его не касается.

На первый взгляд...

Он предпримет все от него зависящее, чтобы помочь Еве. Чтобы спасти ее. И чтобы вывести на чистую воду подлинного убийцу. Убийцу, которым, как он предполагал, был человек, являющийся мужем Евы.

Но как он может узнать, кто ее муж, если он не в курсе, кто такая на самом деле Ева?

Все о Еве... Он усмехнулся и снова углубился в размышления. В этот момент раздался тонкий писк – пришло сообщение. Оно была от Ирины, двоюродной сестры секретарши Марины.

«Фамилия Евгении Александровны – Юнгштедт. Муж – крупный бизнесмен. Живут где-то на Рублевке. Больше, увы, ничего не известно. Желаю удачи!»

Дмитрий Иннокентьевич возликовал. Надо же, старшая сестра такая же умница, как и младшая! Узнала фамилию Евы. Точнее, конечно же, Евгении. *Жени...*

Но для него она была и останется Евой... Значит, Юнгштедт. Муж – крупный бизнесмен. Юнгштедт, Юнгштедт... Фамилия была редкая и вызывала определенные ассоциации. Не этот ли Юнгштедт, который является...

В этот момент зазвонил мобильный – на связи была Марина Аристарховна. Извинившись за то, что беспокоит шефа в воскресный день, она произнесла:

– Я ведь поняла, что для вас является очень важным узнать фамилию таинственной клиентки. Так вот, на банкнотах, оставленных клиенткой, имелись ее отпечатки пальцев. Я задействовала свои связи и узнала, кому они принадлежат. Дама когда-то задерживалась за мелкое хулиганство, когда училась в театральном. Евгения Александровна Юнгштедт. Супруга Германа Мстиславовича Юнгштедта. А вот и ее адрес...

Она продиктовала адрес, а доктор не стал сообщать секретарше, что старшая сестра ее опередила, – кажется, между дамами имела место определенная конкуренция.

– Отлично! – заявил, еле сдерживая ликование, Дмитрий Иннокентьевич. – Кстати, Марина Аристарховна, огромное вам спасибо! Вы просто душа!

Кажется, его комплимент задел секретаршу за живое. Еще раз горячо ее поблагодарив, психоаналитик завершил разговор.

Итак, Евгения Александровна Юнгштедт, являющаяся супругой Германа Мстиславовича Юнгштедта...

Да, определенно, эту фамилию ему доводилось слышать. У него имелась теперь не только фамилия, но и адрес.

Хотя, конечно, он вряд ли мог направиться в рублевский особняк супругов Юнгштедт и изъявить желание побеседовать с Евгенией Александровной.

А почему бы и нет? Всегда можно придумать правдоподобный благовидный предлог, чтобы проникнуть в дом и поговорить с Евой, не вызывая подозрений у мужа.

Того самого мужа, которого Ева убивала во сне. Того самого мужа, которого она боялась. Того самого мужа, который, не исключено, причастен к этому беспробудному ужасу, в который оказалась погружена его пациентка.

Хотя кто знает... Не следовало делать поспешных выводов, не подтвержденных однозначными фактами. На самом деле все могло быть иначе, *совершенно иначе*.

Если анализировать ситуацию, первым непреложным фактом было то, что Ева до ужаса боялась своего супруга. И на это у нее, без всякого сомнения, имелись свои причины.

Значит, ей требовалась помощь, причем как можно быстрее. И он, ее лечащий врач, был просто обязан позаботиться о благе своей пациентки.

Доктор Чегодаев вбил в поисковую систему своего смартфона фамилию *Юнгштедт*. А также сочетание имени и отчества. Итак, Герман Мстиславович и Евгения Александровна...

Одной из первых фотографий было изображение гламурной пары. Он, надо сказать, не сразу узнал Еву, облаченную в алый шелк, с тяжелым, переливающимся ожерельем вокруг тонкой шейки. Выглядела она как-то совсем иначе: и прическа, и цвет волос, и стиль. И была так не похожа на Женю... *Впрочем, ведь она и не Женя...* Какое-то важное светское мероприятие – то ли кинофестиваль, то ли вернисаж.

Рядом с Евой замер невысокий человек с худым хищным лицом, белесыми волосами и глубоко посаженными неопределенного цвета глазами. Это и был господин Юнгштедт. И как только получилось, что этот невзрачный субъект стал мужем такой эффектной женщины, как Ева?

Доктор сразу почувствовал небывалую неприязнь к этому типу. На фотографии он даже не смотрел в сторону жены, а на его лице играла странная, угрожающая улыбка. Точнее, даже ухмылка.

Этот тип, и в этом не было сомнений, был чрезвычайно опасен. *Чрезвычайно!*

Чегодаев отыскал статью, в которой шла речь о свадьбе бизнесмена с фотомodelью и актрисой Евгенией, имевшей место около четырех лет назад. А этому предшествовал скандальный развод господина Юнгштедта с его прежней супругой.

Вот поэтому его фамилия и показалась знакомой. Доктор не был поклонником подобных историй, да и времени не хватало, однако положение, что называется, обязывало изучать время от времени светские сплетни, чтобы быть в курсе происходящего, ибо его клиенты были представителями именно этой «платиновой тусовки».

И в самом деле, развод был скандальный, грязный и очень денежный. Потому что бывшая супруга (тогда еще даже совсем не бывшая) хотела оттяпать значительную часть состояния мужа. А состояние было более чем солидное, миллиардное.

Доктор быстро просмотрел старые заголовки. Ну, конечно же, так и есть: его тогдашняя супруга, мать двух взрослых детей, оказалась на какое-то время в сумасшедшем доме. Потому что она якобы была вне себя... Только, как потом вскрылось, диагноз был липовый, состряпанный работавшими на ее мужа, господина Юнгштедта, врачами.

Чегодаев потер руки. *Так и есть!* Сначала Юнгштедт пытался избавиться от опостылевшей старой жены. Теперь решил отделаться и от опостылевшей новой. И действует теперь так же, как и в прошлый раз, пытаясь представить супругу сумасшедшей.

Юнгштедт, конечно же, сделал определенные выводы. В первый раз ему пришлось пойти на попятную, выплатить супруге огромную компенсацию (которая, естественно, была намного меньше половины состояния, которую та старалась заполучить).

В этот раз он решил действовать тоньше и эффективнее. А что может быть эффективнее, чем представить жену, от которой хочешь избавиться, сумасшедшей? Причем не просто сумасшедшей, а буйно помешанной, убивающей людей?

«Я убиваю людей...»

Именно это Юнгштедт внушил Еве! В то время как она, разумеется, никого не убивала. И была в такой же мере сумасшедшей, как и первая жена бизнесмена, а именно – ни на йоту!

Но как доказать невиновность Евы, если кольцо вокруг нее неумолимо сужается? Она была жертвой небывалой, изощренной, бесчеловечной интриги. *Интриги смертельной*. Причем, увы, не только для самой Евы...

Потому что за последние недели и месяцы погибло как минимум три человека. Нет, они не погибли – *были хладнокровно убиты!* Не исключено, что жертв на самом деле *больше*. И они были лишены жизни только для того, чтобы рано или поздно обвинить в этих кровавых преступлениях Еву.

Рано или поздно...

Времени не было, требовалось действовать, причем действовать четко, слаженно и результативно. Доктор Чегодаев допил кофе и поднялся со стула. Итак, ему известно имя пациентки, у него есть адрес, так что же он тогда ждет?

Внезапно ему пришла в голову мысль, что должен иметься человек, который совершает все эти кошмарные убийства. Убийства, обвинить в которых должны Еву. Кто-то же хладнокровно зарезал ножом и пенсионерку, и рыжеволосую девицу, и даже девятилетнюю школьницу.

И самое ужасное – никто не гарантировал, что убийства прекратятся. Ведь этот нелюдь мог нанести удар в любой момент! Даже, собственно, и прошлой ночью, и этим утром, и завтрашним вечером...

Кто же был способен положить этим бесчинствам конец и спасти Еву?

Доктор Чегодаев знал, что это может сделать один человек – он сам. И ему требовался план, хороший план по спасению Евы...

Он ринулся в душ, обдумывая идеи, которые пришли ему в голову.

И все же, стоя под упругими прохладными струями, он то и дело пытался отогнать от себя странное видение – некто нападает на беззащитную жертву и втыкает в нее охотничий нож. А затем вытаскивает, снова втыкает и делает так много раз подряд.

Он должен остановить это, должен! *И спасти Еву...*

Ева

Рукоятка была холодной, скользкой, абсолютно черной. *И липкой.* Да, именно липкой... Ее рука сжимала рукоятку, причем с такой силой, что потребовалось усилие, дабы расцепить онемевшие пальцы.

Там, где она находилась, царил полумрак. И было холодно. Она попыталась привстать, но это у нее получилось плохо. Голова гудела, а вместо мыслей был какой-то сизый туман. Даже не туман, а кисель, словно заполнявший до краев ее пустую черепную коробку.

Наконец с пятой или шестой попытки у нее получилось подняться на ноги. Она осмотрелась и поняла, что находится в каком-то странном месте. Месте, *в котором ей не очень хотелось находиться.*

Она совершенно не помнила, как оказалась в нем. Она тряхнула головой и повела тотчас отозвавшейся болевым импульсом шеей. На самом деле *она ничего не помнит*, ровным счетом ничего!

Да, место было странным, в нем плохо пахло. Какая-то обсыпаящаяся кирпичная арка, просветы в крыше, сквозь которые падали косые солнечные лучи. Она сделала шаг, заметив, что на ее ногах какие-то темно-зеленые полотняные тапочки. *Откуда они у нее?*

Она задумалась, а потом поняла, что это не тот вопрос, который ей следовало задать. *Где она?* Впрочем, и на этот вопрос она не могла дать ответа. Но и он казался ей таким... таким мелким и неважным.

Кто она?

В этот момент ее правая нога ударилась о что-то, лежавшее на грязном бетонном полу. Она нагнулась и присмотрелась – так и есть, как она могла забыть, что это тот самый нож, который она только что держала в руках?!

Нож был угрожающего размера, наверняка охотничий, с широким лезвием – *лезвием, покрытым кровью.* Но если она ничего не помнит, то откуда знает, как выглядит кровь? Однако она знала – и все тут!

Она осторожно подняла нож и положила его на кирпич, валявшийся посреди помещения, в котором она пришла в себя. Затем осмотрелась по сторонам, пытаясь понять, куда ей надо идти.

Голоса... Ей показалось, что неподалеку раздались голоса. Отчего-то ее охватил страх, сердце сжалось. И она поняла, что ей не нужно выдавать своего присутствия.

Выждав несколько минут, она убедилась в том, что голоса стихли. Значит, все было снова в порядке.

В порядке?

Внезапно она заметила странные следы. Это были капли крови, вьедшиеся в пол. Они тянулись цепочкой, уводя куда-то в соседнее помещение. Повинуясь внезапному чувству, она двинулась вперед.

Соседнее помещение было как две капли воды похоже на то, в котором она только что пришла в себя. С одной только разницей – посреди него, на полу, кто-то лежал. Похоже, еще один человек, как и она сама, находился без сознания. Странно только, что этот человек был совершенно наг...

Она осторожно подошла к человеку, который лежал на боку, и ткнула его пальцем в бок. Человек не пошевелился. Тогда она схватила его за плечо – и человек медленно перевернулся на спину.

Это была женщина, блондинка, с длинными, беспорядочно раскиданными кудрями. *И она была мертва!*

Потому что ее грудь и живот были усеяны страшными, глубокими ранами. Кто-то методично исполосовал несчастную, оставив ее потом лежать нагой здесь, в этом странном заброшенном месте.

Кто-то?

Она не сразу поняла, что блондинка мертва, попыталась сначала даже оживить ее, хлестала по щекам, а затем вдруг решила сделать ей искусственное дыхание. Откуда она знала, что умеет делать искусственное дыхание? Этого она сказать не могла, как не могла сказать ничего – ни своего имени, ни своего возраста, ни того, где она находилась и почему...

Да, она ничего не могла сказать, за исключением того, что сидела сейчас около трупа кем-то зверски убитой женщины.

Кем-то?

Внезапно ей сделалось страшно. Она быстро вернулась в ту комнату, в которой пришла в себя. Убедилась, что нож по-прежнему лежит на кирпиче. Она подошла к нему и, словно зачарованная, уставилась на окровавленное лезвие.

Этот нож был у нее в руке, когда она проснулась. Кому же придет в голову засыпать в подобном месте?

Хотя... Хотя если ты только что совершил жестокое убийство, убийство, требующее большой физической отдачи, которая вызвала небывалую усталость...

Она вздрогнула и взяла нож в руку. Неужели несчастную убили при помощи этого ножа? Если кого-то находят около жертвы, лишенной жизни при помощи охотничьего ножа, с этим самым охотничьим ножом в руках, то следует признать, что этот человек и является убийцей! *Но ведь это элементарно, Адсон!*

Почему эта фраза всплыла у нее в голове. *И кто такой этот самый Адсон?* Впрочем, сейчас это не так уж важно, хотя разве она могла сказать, что важно, а что нет, если ничего не помнила?

А вдруг это просто совпадение, нелепое совпадение, которые так часто бывают в жизни? Но что она могла сказать о своей жизни... Ровным счетом ничего! Она проснулась здесь с ножом в руке – а остальное как отрезали...

А несчастную, что лежала в комнате рядом, *зарезали*. Да, ее зарезали, но этим ли ножом?

Она решила, что это надо выяснить. Потому что это могло быть совпадение. Или недо-разумение. Или, что ужаснее, чей-то злой умысел.

Злой умысел... Но кто желал ей подобного? Если бы она помнила... *Да, если бы она помнила...*

Впрочем, не только ей. Несчастной блондинке, которая лежала в соседнем помещении, не повезло в гораздо большей степени, чем ей самой. Потому что она была жива, а та – *мертва*. Мертва...

Точнее, *убита*. Но кем? Неужели... неужели *ею самой*?

А что бы она подумала, если бы нашла зарезанную особу, а в другой комнате – еще одну, сжимающую в руке нож, при помощи которого было совершено преступление?

Откуда она могла знать, что бы подумала в такой ситуации? Потому что не помнила, чтобы до этого оказывалась в подобных обстоятельствах. Впрочем, *она вообще ничего не помнила!*

Поэтому предстояло провести следственный эксперимент. Или как это там называется... Странно, такие вещи она тоже помнила, но почему-то не могла сказать, как ее зовут. Разве такое может быть?

Может! Иначе бы она не находилась в этом странном и страшном месте в данный момент.

Она вернулась в помещение с телом. Опустилась около него на колени. Отметила при этом, что на ней какой-то странный наряд. И вообще все было крайне странно.

Ей показалось, что поблизости донеслись осторожные шаги. Она на мгновение замерла, прислушалась. *Нет, именно что показалось.* Она была здесь одна – не считая, конечно же, тела убитой блондинки.

Она поднесла нож к одной из ран на животе несчастной, пытаясь сравнить, оставлена ли эта рана именно этим ножом. *Однако она ведь не эксперт!* Но ей требовалась правда!

А если правда заключается в том, что она – убийца? Только зачем ей убивать эту блондинку? Вот именно – незачем! Она ее никогда в глаза-то не видела.

Точно не видела? Она ведь не помнит ни своего имени, ни людей, которых когда-то знала. Как она тогда может столь безапелляционно утверждать, что не знает этой блондинки?

Точнее, *не знала*, ибо несчастная мертва.

Она подносила лезвие ножа то к одной ране, то к другой. Нет, это глупое занятие, эксперты ведь это не так делают, а как-то по-другому. *Только вот как?*

Это навело ее на мысль о том, что надо обратиться к этим самым экспертам. Но к кому обращаются, если находят мертвое, испещренное глубокими ранами тело?

В полицию... Это всплыло из глубин ее подсознания само по себе. Да, именно в полицию! Хорошо бы, если и прочие воспоминания столь же легко вернулись к ней. Хотя она где-то читала, что они возвращаются не тогда, когда ты пытаешься искусственно заставить их вернуться, а спонтанно, в самый неожиданный момент...

Когда-то читала? Или, быть может, слышала в какой-то программе? Да нет же, это говорил ей этот тип в белом халате...

Тип в белом халате... В голове что-то в буквальном смысле зашевелилось, казалось, еще одно крошечное усилие – и она все вспомнит. Но нет, она ничего не вспомнила!

Зато нож выскользнул у нее из руки и упал на тело несчастной. Она инстинктивно схватила его – и в этот момент услышала чье-то судорожное сопение. Она подняла взгляд – и заметила стоявшее в дверном проходе чудовище. Оно было невысокое, все черное, прокрытое иголками и тяжело дышавшее.

Она закричала, отпрянула в сторону и выкинула вперед руку с зажатым в ней ножом, Чудовищ, как учили ее всю жизнь, не бывает. Однако все это оказалось ерундой, *они существуют!* И теперь все было ясно, совершенно ясно. Блондинку убило это чудовище, и теперь оно вернулось, чтобы лишить жизни и ее саму!

Но чудовище внезапно вдруг заверещало, вернее, заголосило, но как-то не так, как надлежит голосить чудовищу, а тоненьким дурашливым голоском, по-бабьи, истерично.

И она поняла, что никакое это не чудовище, вымазанное сажей и усеянное иголками, а человек, кажется женщина, завернутая то ли в тулуп, то ли в ватник, покрытый остатками меха или, кажется, свалывшимися, походящими на иголки клочками серо-желтой ваты.

– Помогите! – кричало чудовище, оказавшееся человеком. – Помогите, убивают!

И тут ее взгляд упал на тело несчастной блондинки.

– Да, помогите! – произнесла та, которая не могла вспомнить своего имени. – Помогите мне, пожалуйста!

Но кричащая особа ее, конечно же, не слышала. Не оставалось ничего иного, как сделать к ней шаг, но особа завопила пуще прежнего и куда-то исчезла.

Еще бы, ведь она стала свидетельницей того, как некто склонился над мертвым, окровавленным, покрытым ранами телом с ножом в руках! А затем попытался напасть на несчастную свидетельницу!

– Это все не так, как вы думаете! – крикнула она, устремляясь за странной особой. Та была уже в другом помещении, полетела на пол, видимо задев ногой о кирпич, продолжала вопить и стенать.

Она подошла к ней, протянула той руку, желая помочь, но особа зашлась в крике. *Еще бы, ведь в руке у нее был зажат окровавленный нож...*

Она отшвырнула нож в сторону, склонилась над несчастной, но та продолжала орать. Внезапно послышался надтреснутый мужской голос:

– Оставь ее в покое!

Она обернулась и заметила плюгавого мужичонку в треухе, который сжимал в руке ржавый металлический прут.

– Соколик, как хорошо, что ты пришел! – застонала особа, отползая в его сторону. – Она с ножом была, около труп... Там труп! Живот весь в крови! Это она все, она!

– Так и есть, она! – заявил тип, угрожающе размахивая металлическим прутом, но с места не двигаясь. – И другие наверняка на ее совести! Теперь мы знаем, кто людей убивает! Надо ментам ее сдать, тогда и Витьку выпустят!

Кажется, эта парочка был уверена в том, что она совершила это ужасное убийство.

А могла ли она сама быть уверенной в том, что не совершала его? Быть может, она в самом деле лишила жизни эту несчастную блондинку? Но эти люди вели речь и о *других убийствах*. Неужели она виновата и в иных преступлениях?

– Я никого не убивала! – произнесла она. – Помогите мне!

Особа в ватнике наконец доползла до мужичка, размахивавшего прутом, и, оказавшись под его защитой, заголосила:

– Не верь ей, соколик, не верь! Я сама видела, как она мертвой тетке в живот ножик всаживала! И взгляд у нее был такой безумный, и пена у рта! И рычала при этом, как собака бешеная! Она это, кто же еще, именно что она!

И откуда эта особа могла все видеть, если рассматривала труп всего пару мгновений? Конечно, у страха глаза велики, но самое ужасное, что этой особе ведь поверят! И дело было не в пене у рта и в том, что она якобы рычала, а в том, что обладательница ватника видела, как она якобы всаживала блондинке в живот нож.

То есть убивала ее!

– Вы должны мне поверить, я никого не убивала... – произнесла она и осеклась, потому что никто ей верить, конечно же, не намеревался. Эти люди были уверены в том, что она убийца. А обладательница ватника горела желанием дать показания, не оставляющие сомнений в том, что она стала свидетельницей убийства.

– Не подходи! – заверещал мужичок. – Я ведь в гневе ужас какой страшный и сильный! Зашибу вусмерть!

– Так, соколик, зашиби ее! Потому что это она людей убивает! Она! – вторила ему особа в ватнике. – Менты, поганцы, теперь поймут, что мы ничего не сочиняли. И что Витюшенька мой ни в чем не виноват!

Она не понимала, о чем говорят эти двое, однако, кажется, речь шла даже не об одном, а о нескольких убийствах.

Нескольких убийствах? Но ведь она не совершала ни одного из них! *Или все же совершала?*

– Этот нож... Я не знаю, как он оказался у меня в руке... – начала она, решила для чего-то отыскать нож и показать его этим людям, чем вызвала у них припадок. Мужичок швырнул в нее свой прут, который, впрочем, ударился о стену. Особа в ватнике забросала осколками кирпичей, а затем парочка ретировалась, опасаясь, что она бросится им вдогонку и растерзает.

Она же ничего подобного делать не намеревалась. Опустилась на пол и вздохнула. Затем поднялась, попыталась найти нож, но он затерялся среди валявшегося на полу хлама. Однако найти его требовалось во что бы то ни стало, потому что на ноже были отпечатки ее пальцев.

И следовательно, она была идеальным кандидатом в убийцы. Поэтому она принялась методично обыскивать комнату. Наконец что-то сверкнуло, и она заметила нож. Осторожно подняла его, начала старательно вытирать рукавом своего странного одеяния.

При этом манжет задрался, и она заметила у себя чуть выше левого запястья татуировку.

Е.В.А.1.3.

Какая-то непонятная, ничего ей не говорящая аббревиатура! Что значат эти три буквы? Название какой-то организации? Еще чего-то?

И вдруг ей пришло в голову, что если прочесть эти буквы не как аббревиатуру, а как целое слово, точками не разделенное, то получилось...

ЕВА

Ева... Женское имя, точнее, имя первой женщины на Земле. Ее что, зовут Ева? Почему, собственно, и нет? Но с какой целью она решила вытатуировать собственное имя? *Она что, боялась его забыть?*

Возможно, и боялась, потому что в итоге забыла! А так, по крайней мере, она знает, как ее зовут, если, конечно, это ее имя...

Ева... Что же, начало положено! И пусть она будет Евой, пока не узнает, ее это имя или нет. А что значили две последние цифры? Один и три. Тринадцать? *Чертова дюжина...*

Она на всякий случай задрала другой манжет, однако никакой иной татуировки там не обнаружила. Что же, пусть она тогда будет Ева № 13. Значило ли это, что до нее имелись двенадцать других Ев?

Вопросы, на которые не было ответов. Хотя имя свое она, к примеру, уже узнала. *И если так пойдет и дальше...*

В этот момент она услышала голоса и шаги. Кто-то приближался, и намерения его были отнюдь не самые добрые, Потому что до нее донеслись обрывки фраз:

– С ножом... Покойница... Убила ее, мы сами видели... Соколик и я, четырьмя глазами... Вот вам крест! Она несчастной нож в живот со всей дури засаживала... та еще дышала, стонала, плакала, а эта мразь ее кромсала. Маньячка, вот она кто, маньячка! И других она убила, других тоже! Арестуйте ее, товарищ сержант...

Ева быстро поднялась на ноги, понимая, что сладкая парочка привела представителя власти, убеждая его в том, что они стали свидетелями убийства. Причем владелица ватника была лишь свидетельницей того, как она, Ева, находилась около трупа. Ее «соколик» появился позднее. Теперь же они убеждали товарища сержанта в том, что видели именно убийство, причем вдвоем! Вот ведь людишки! Впрочем, они ведь хотели вызволить какого-то своего друга Витьку...

Ева захихнула нож в рукав и осторожно переместилась в соседнюю комнату. Краем глаза она заметила, как, сопровождаемый уже знакомыми ей персонажами, появился молодой, но уже крайне полный человек, облаченный в форму.

– Ну, где ваш труп? – произнес он писклявым голосом. – Ой, брешете ведь оба! Сейчас отвезу вас в отделение, протокол составим по поводу нарушения общественного порядка...

– Труп вон там, рядом! – произнесла тетка в ватнике. – А убийца куда-то делась! Сбежала! Но у нее нож в руках. Огромный такой!

Ева вжалась в стенку, когда по соседнему помещению, всего в метре от нее, скрипя обувью по осколкам кирпичей и битому стеклу, прошествовал товарищ сержант, сопровождаемый двумя болтунами.

– Вот и труп! – раздался торжествующий голос особы в ватнике, затем послышались аханье сержанта и его голос, бубнящий в рацию:

– Товарища майор, это Шестой. У нас ЧП. Тут труп нарисовался. Убийство, не исключено – серийное или ритуальное. У меня имеются два свидетеля... То есть подозреваемых...

Ева усмехнулась – не рой другому яму, сам в нее попадешь! Похоже, товарищ сержант был не прочь навесить труп на этих двух подозрительных, с его точки зрения, личностей. Ничего, разберутся. В конце концов, они только что пытались всеми правдами и неправдами обвинить в убийстве ее саму.

Она осторожно вышла в соседнюю комнату, а потом направилась по тому же маршруту, по которому явились сюда сержант и два доносчика. Наконец Ева заметила раздолбанную лестницу, по которой спустилась вниз и оказалась у подножия предназначенного на слом дома.

Дом был огорожен забором, за которым слышались голоса и звуки уличного движения. Она увидела дыру в заборе и вовремя снова спряталась в доме, потому что в дыре возникли два человека в форме, которые, беседуя со своим коллегой по рации, двинулись к месту обнаружения трупа. Вслед за ними появился и третий, который, пыхтя сигаретой, остался нести вахту около дыры в заборе.

Ева двинулась в другом направлении, вылезла через выбитое окно и подбежала к забору. Ей требовалось унести ноги, потому что вступать в дискуссию с полицейскими было себе дороже. Ведь двое бомжей были готовы свидетельствовать против нее, и им могли поверить.

А ведь она никого не убивала! *А вдруг...*

Вот поэтому-то ей требовалось остаться пока что на свободе. Когда она вспомнит, кем является, когда станет ясно, как она оказалась в этом доме рядом с трупом и с ножом в руке, тогда и подключит полицию. *Но не раньше.*

Вторую дыру ей обнаружить не удалось, но Еве повезло – одна из досок сидела неплотно, так что не составляло особого труда отодвинуть ее в сторону. Она выскользнула с территории предназначенного на снос дома и убедилась, что находится недалеко от большого крытого рынка. Она вылезла со стороны стоянки, так что никто на нее не глазел и пальцем не показывал.

Ева знала, что наряд на ней не особо годится для долгих путешествий. Несмотря на то что светило солнце, было достаточно прохладно. Судя по всему, на ней было некое подобие пижамы или чего-то в этом роде. Если разгуливать в таком одеянии, то можно быстро привлечь внимание. Да и «сладкая парочка» наверняка уже подробно описала, во что была одета «жестокая убийца».

Она услышала голоса и заметила нескольких человек, возившихся с ящиками с фруктами. Воспользовавшись мгновением, когда около фургона, который был наполовину разгружен, никого не оказалось, она подошла к нему и стащила два больших зеленых яблока. А затем увидела небрежно брошенную кем-то на один из ящиков *кожаную мужскую куртку и лежавшую поверх нее кепку.*

Через несколько секунд Ева удалялась быстрым шагом, застегивая на ходу куртку. Она была ей велика, в особенности в плечах, но ничего, на первое время сойдет. Кепку она натянула на голову, убрав под нее волосы. Если смотреть со спины, то и не разберешь, кто же это – мужчина или женщина. Конечно, больничные туфли подкачали, но с этим было сложнее. Да и обычно на ноги не смотрят, так что опасаться этого не следовало.

Затаившись за одной из машин, Ева перепрятала нож – из рукава он перекочевал в карман куртки. Да, это была улика, на первый взгляд изобличающая ее саму. Но ведь на самом деле это была ниточка, которая могла вывести ее к настоящему убийце!

В том, что убийства она не совершала, Ева была уверена. И не только этого убийства, но и прочих *убийств*, о которых вела речь «сладкая парочка».

Она не знала, куда идти и где она находится. И не имела ни малейшего представления, кто бы мог ей помочь и что делать. Однако в данный момент требовалось одно – уйти как можно дальше, а потом поразмыслить над тем, что бы предпринять.

Окольными путями она вышла со стоянки, миновала потоки людей, которые направлялись к рынку, и заметила остановку маршруток. Как хорошо, что вместе с курткой она прихватила кошелек! Конечно, для нее хорошо, а не для владельца куртки и кепки, перед которым Ева мысленно извинилась. Если будет возможность, она вернет ему похищенное и компенсирует потерю. *Когда-нибудь, когда все прояснится...*

А так она стала обладательницей солидного количества тысячных и пятидесятых. *Что же, на первое время хватит.* Заметив полицейский автомобиль, Ева сделала большой крюк. Издали она увидела, как два стража порядка ведут, подталкивая в спину, «сладкую парочку», которую, похоже, задержали по подозрению в убийстве.

А ведь они в самом деле могли совершить убийство, а затем попытаться свалить его на нее! Но нет, ведь и владелица ватника, и ее дружок были до смерти напуганы и приняли ее за убийцу, чего бы не сделали, если бы совершили преступление сами.

Ева направилась к маршруткам. Названия остановок и улиц, которые значились на «Газелях», ничего ей не говорили. Однако, судя по номерным знакам, она была в Москве.

Собственно, откуда она знает, какие номерные знаки являются столичными?

Около маршруток образовалась солидная очередь, пришлось пристроиться в самый конец. Что же, план действий был следующий – обращаться в полицию нельзя, потому что если к ним обратится особа, оказавшаяся на месте убийства, то ее наверняка сразу же возьмут под стражу. Тем более что она была идеальным кандидатом на роль убийцы несчастной блондинки.

Значит, надо было залечь на дно и переждать. Вести кочевой образ жизни было глупо и опасно, но ведь у нее имелись деньги! Правда, не было документов, но, опять же, были деньги... Что, если снять номер в гостинице или, что намного лучше, у кого-нибудь квартиру? И переждать там, вести собственное расследование, одновременно надеясь на то, что к ней вернется память.

Ее внимание привлекла интеллигентного вида пожилая женщина, державшая табличку с надписью: «Сдаю квартиру». Покинув очередь, Ева направилась к ней. Она боялась, что не сумеет убедить владелицу квартиры, что та потребует документы, что невесть как одетая особа вызовет у той подозрения...

Но все оказалось намного легче. Расставшись с несколькими пятисотками, Ева услышала заветное: «Это недалеко, в пяти минутах ходьбы...»

Она направилась за женщиной, внутренне ликуя. Вынув из кармана одно из яблок, она стала смачно грызть – и ощутила, что страшно голодна. А еще хорошо бы принять душ или горячую ванну. И вкусно пообедать...

Они остановились на светофоре, ее хозяйка, указав на один из находившихся на противоположной стороне домов, сказала, что им нужно туда. Наконец зажегся зеленый – и в этот момент Ева увидела затормозивший полицейский автомобиль.

Но никто не думал кидаться к ней и арестовывать ее. Они перешли на другую сторону, и в этот момент до нее донесся истошный вопль.

– Обокрали! Задержите вон того мужика! Он у меня куртку с деньгами и кепку спер!

Ева похолодела. *Задержите вон того мужика...* Речь шла, конечно же, о ней самой. Ибо хозяин куртки, кепки и портмоне, обнаружив пропажу, забил тревогу и попытался отыскать вора. *И нашел его...*

Некоторые из прохожих закрутили головами, пытаясь понять, кого же требовалось задержать, или в надежде стать свидетелями занимательной рукопашной. Ева же ускорила шаг, однако не могла же она оторваться от хозяйки квартиры, которая в силу возраста плелась медленно.

– Задержите его! Тысячу дам тому, кто вон того мужика схватит! – надрывался обворованный, а хозяйка квартиры, которая была, по всей видимости, глуховата, спросила, обращаясь к Еве:

– Кажется, кому-то требуется помощь?

Ева знала, что помощь требовалась в первую очередь ей самой.

– Да нет же, кажется, просто какая-то потасовка. Лучше давайте пойдем побыстрее, а то не хватало, чтобы мы оказались случайно замешанными...

Она была готова даже взять даму под руку и повести ее по направлению к спасительным многоэтажкам, однако выглядело бы это крайне подозрительно.

И все же они обе ускорили шаг. Вот уже чуть-чуть, и она окажется в съемной квартире...

В этот момент Ева ощутила сильный толчок в спину, и кто-то прямо у нее под ухом завопил:

– Ах ты, гад, думал, что сумеешь ноги сделать?! Как бы не так! Отдавай мою куртку и деньги!

Обернувшись, Ева заметила покрасневшего невысокого пузатого мужичку, который размахивал у нее перед лицом волосатыми кулаками. Он сорвал с нее свою же кепку – и волосы Евы рассыпались по плечам.

– Это же баба! – произнес мужик в ошеломлении, а Ева заметила, что через дорогу к нему на подмогу спешат еще несколько подобных, явно не отличавшихся хорошими манерами субъектов.

– Что вы себе позволяете! – вскрикнула возмущенно ничего не понимающая хозяйка квартиры. – Я сейчас полицию позову!

– Отличная идея! – произнес уже успевший прийти в себя владелец куртки и кепки. – Потому что именно им на руки я и сдам эту воровку!

– Как вы можете! – заявила дама, а мужичок уже запустил руку в карман куртки и заявил:

– Это мой кошелек! Могу сказать, сколько там денег! Вот, смотрите, там и права мои! И фотография моей жены с дочками!

Дама ахнула, отшатнулась и с подозрением уставилась на Еву.

– А она хотела у меня квартиру снять! – пробормотала старушка. – Наверняка хотела меня ограбить или даже убить! Полиция!

Встречаться с полицией в планы Евы никак не входило. Как, впрочем, и столкнуться с разъяренными мужичками, которые уже успешно преодолели дорогу на красный и на всех парах направлялись к ним, на ходу подворачивая рукава.

– Надолго сядешь, красавица! – протянул мужчина, бережно пересчитывая пятисотки. – Черт, тысячи не хватает. Лахудра, отдавай!

Ева вырвала у него из рук пачку денег, подкинула ее в воздух и рванула прочь. Деньги, подобно конфетти, разлетелись по воздуху и стали оседать на землю, вызвав небывалый ажиотаж среди прохожих, до этой поры безучастно наблюдавших за развитием конфликта.

Ева рассчитала правильно – в мгновение ока образовалась свалка из людских тел, и, несмотря на вопли мужичка, его же подоспевшие соратники, а также случайные прохожие и даже пожилая владелица съемной квартиры, прыгая в разные стороны, пытались поймать уносимые ветром банкноты.

Оказавшись около гаражей, Ева юркнула за них, отдышалась и осторожно оглянулась. Похоже, никто из друзей владельца куртки, кепки и портмоне (теперь уже изрядно опустевшего) не хотел пускаться вдогонку за прыткой воровкой, предпочитая этому сложные акробатические номера, нацеленные на вылавливание и удержание дензнаков.

– Стоять! Задержите ее! Помогите! – отчаянно кричал несчастный мужичок, но его кто-то сшиб с ног, пытаясь схватить порхавшую перед его носом купюру. Мгновенно завязалась потасовка.

Ева осмотрелась, прочитала название улицы на стене одного из многоэтажных домов – оно ей не было знакомо. Деньги она потеряла, зато обрела свободу...

Только что с ней теперь делать? Похоже, требовалось менять план – *план, которого у нее, собственно, изначально и не было.*

Она двинулась вдоль гаражей, чувствуя, что ее начинает трясти – не от страха, а от смеха. Ее накрыл приступ хохота, и в этот момент она услышала громкий лай. Ева заметила, что около нее, рыча и скаля зубы, остановилась уродливая собачка, которую на ремешке держал высокий конопатый парень с длинными рыжими волосами.

– Разрешите пройти! – произнесла Ева. А парень хитро прищурился и заявил:

– С вас две тысячи!

– Что? – изумилась Ева. А парень продолжил:

– Да вон тот мужик вопил, что если вас задержать, то он заплатит тысячу. Так что хотите беспрепятственно дальше пройти, – гоните две! Бизнес есть бизнес!

Юный предприниматель обнажил желтые зубы, а его собака снова зарычала и, суча лапами, потянулась в сторону Евы.

Денег у Евы не было. А в этот момент подоспел и владелец куртки, который, размахивая руками, заявил:

– Вот ты где! Думала, уйдешь? От меня еще никто не уходил!

Он попытался приблизиться к Еве, но собака с лаем ринулась к нему.

– Сначала гоните деньги! – заявил нахальный подросток. Мужчинка принялся совать ему купюры, а юный бизнесмен скривился:

– Тысяча! Она мне только что две предлагала, чтобы я ее отпустил. Так что гоните три!

Мужчина оторопел, однако, подбадриваемый собачьим лаем, нехотя сунул парню еще несколько купюр.

– Две двести! Ладно, черт с вами! Пойдем, Чертяка!

Получив вознаграждение, он потянул поводок и увлек за собой бесившегося пса с подходящей кличкой.

Мужичок схватил Еву за локоть и прошипел:

– В этот раз никуда не уйдешь! Ты, тварь, все мои деньги по ветру развеяла!

– Ну, не все, судя по тому, что вы только что заплатили юному вымогателю, – заметила Ева, судорожно решая, что же ей предпринять, – и кстати, могли бы получить меня всего за тысячу, а вы в два раза переплатили!

Бежать не имело смысла, так как появились товарищи человека с рынка. Они окружили Еву и громко решали, что же с ней делать. Кто-то вынул мобильный, дабы позвонить в полицию.

– Что здесь происходит? – раздался вдруг суровый голос, и галдеж прекратился. Около них возник человек в черных очках и темном костюме, сопровождаемый дамой в форме. Они показали присутствующим красные корочки, и мужики в почтении расступились.

– Да вот, воровку поймали! – заявил потерпевший. – Она меня обчистила...

Человек в костюме кивнул своей спутнице, та отвела мужичка в сторону и стала что-то объяснять ему.

– Вы пройдете с нами! – заявил мужчина, обращаясь к Еве. Она ничего не ответила, понимая, что придется подчиниться.

Через несколько минут все было решено. Получив компенсацию из рук дамы в форме, мужчина совершенно успокоился и вместе со своими приятелями ретировался. Ева все

выжидала удобный момент, чтобы броситься между гаражей куда глаза глядят, но дама осторожно взяла ее под локоть.

– Вам требуется помощь! – заявила она и улыбнулась. – Так ведь?

Ева вздохнула. Да, ей требовалась помощь. На полицейских эти субъекты не походили, хотя, судя по всему, являлись обладателями крутых красных корочек.

– И вам не нужно нас бояться! – заявил мужчина. – Мы вообще-то оказались здесь случайно, на самом деле мы – представители «Церкви Нового Времени», у нас тут штаб-квартира неподалеку...

Ева снова вздохнула. Оказывается, угодила она в руки сектантов! *Час от часу не легче!* Однако, похоже, эти личности были безобидные, да и, кроме того, они спасли ее от рыночных торговцев.

– А как же ваши корочки... – начала Ева. И мужчина усмехнулся:

– Ну, а вы думаете, все читают, что на них написано? Я когда-то работал в силовых структурах, вот, вышел досрочно на пенсию, нашел свою вторую семью в «Церкви Нового Времени». Я им свое пенсионное показал!

– Вам требуется помощь, – повторила женщина, – и мы вам ее окажем. Причем не будем спрашивать, кто вы и что с вами случилось. Захотите – сами поведаете. Не захотите – значит, такова Божья воля. Не нам ей противоречить. Езжайте с нами. Кров предоставим, питание тоже.

– И не бойтесь, в свою веру вас обращать не будем, – добавил мужчина.

– Вы просто так решили мне помочь? – спросила недоверчиво Ева. И оба кивнули.

– Да! Сразу было видно, что они затевают что-то дурное, а на вашем лице такое отчаяние было написано. Знаете, к нам ведь многие страждущие обращаются, и мы никому не отказываем. Ибо сердце Господа открыто для всех!

Ева раздумывала. Что же, пусть и сектанты, однако почему бы ей не залечь на дно в их общине или как это у них там называется? По крайней мере, они люди надежные, отзывчивые, смелые. И какое ей дело до их убеждений!

Представители «Церкви Нового Времени» проводили ее в навороченный черный джип, ожидавший их с другой стороны гаражей. Ева опустила на кожаное сиденье и наконец-то перевела дух. Они тронулись с места.

– Удивляетесь тому, что у нас такие автомобили? – спросила женщина, сидевшая за рулем. – Это все – пожертвования наших братьев и сестер. Ибо пути Господни неисповедимы! Ведь именно Провидение свело нас сегодня друг с другом, и это, возможно, начало вашей новой жизни!

Она завела монолог, нашпигованной библейскими цитатами, а Ева, всматриваясь в проносившийся за стеклами джипа пейзаж, не слушала ее и думала о том, что наконец ей удалось уйти. Похоже, и в секте долго задерживаться не следует, а то они ее еще попытаются обратить в свою веру, но несколько дней она у них в общине пробудет.

Она задремала, а когда пришла в себя, увидела, что джип въезжает на территорию огороженного высоким металлическим забором участка, на котором располагался красивый трехэтажный дом.

– Вот и наша штаб-квартира! – произнесла дама, глуша мотор. – Вы ведь наверняка проголодались? Ничего, скоро будем обедать! Выходите!

Ева вышла наружу, осмотрелась. Ничто не свидетельствовало о том, что она находится на территории секты. Хотя откуда ей знать, как должна выглядеть штаб-квартира секты? Она ведь вообще мало что знает!

Дама взяла ее за руку и повела куда-то к торцу дома.

– Братья и сестры сейчас в молельной комнате, их не стоит беспокоить. За трапезой всех увидите. Я покажу вам апартаменты для гостей нашей общины, они вот здесь располагаются.

Они оказались около ступенек, которые уводили куда-то вниз, к железной двери. Дама отперла ее, поманила за собой Еву. Они оказались в узком коридоре, скупо освещенном одной-единственной лампочкой.

– Условия спартанские, но ведь человеку больше и не требуется! Ибо, как учит наш Пророк, довольствуйтесь тем, что вам дает Господь, и не ропщите!

Они прошли по коридору в глубь подвального помещения, дама оказалась перед дверью с кодовым замком. Отомкнув оную, она любезно заметила:

– Дверь открывается и с другой стороны, вам стоит только нажать на красную кнопку сбоку. Как видите, наша Церковь чем-то напоминает армию, однако порядок и дисциплина – вот чего недостает современному человеку! Я, к примеру, майор нашей Церкви. У нас, знаете ли, некое подобие воинских званий в церковной иерархии. Пока отдохните, приведите себя в порядок, а через час будем обедать!

Она первой прошла в комнату, Ева последовала за ней. Вопреки ее опасениям, она оказалась не в тюремной камере или келье, а в небольшой, достаточно уютно обставленной квартирке с несколькими занавешенными окнами, из которых лился солнечный свет.

– Вот, милая моя, смотрите, при помощи этой кнопки вы открываете изнутри замок! – Женщина указала на большую красную кнопку на стене.

Ева медленно кивнула головой.

Спутница продемонстрировала ей комнату с софой, креслом, широкоэкранным плазменным телевизором на стене. Провела в спальню с большой кроватью, открыла дверь в ванную с душевой кабиной.

– Чувствуйте себя как дома! – сказала она, продолжая улыбаться. – Снимите эту ужасную куртку! Давайте я вам помогу! Вам дадут что-то более подходящее и женственное. – Кстати, ведь мы до сих пор официально друг другу не представились! Как вас зовут, моя дорогая?

Она протянула руку, и Еве не оставалось ничего иного, как протянуть свою.

– Меня зовут... Ева... – произнесла девушка. И дама мило пощечетала:

– Ах как мило! Так же, как и нашу общую праматьерь!

При этом она тряхнула руку Евы, да так, что рукав больничного одеяния, в котором была Ева, задрался. *И обнажилась ее татуировка.*

Заметив ее, дама качнула головой и произнесла:

– Ах, что это у вас? Наша Церковь такого не одобряет, однако, конечно, это ваше дело. Разрешите посмотреть...

Она ловко схватила запястье Евы, провела пальцами по татуировке и заметила изменившимся тоном:

– О да, Ева, мы рады приветствовать вас у себя! Очень рады! Пока отдыхайте, я вас заберу через часок!

Она подошла к двери и, улыбнувшись, вышла прочь. До Евы донеслись лязганье и, как ей показалось, звук поворачивающегося ключа.

Девушка подошла к двери и попыталась ее открыть. *Безрезультатно.* Она нажала красную кнопку, однако ничего не произошло. Ева снова надавила на нее, потом начала кулаком бить по ней.

Дверь, конечно же, и не думала открываться. Эта особа элементарно ее обманула! Никакая эта не кнопка, при помощи которой можно было открыть дверь изнутри, а обычная бутафория!

Ева подбежала к противоположной стене, попыталась пододвинуть стол – и вдруг поняла, что тот намертво привинчен к полу. Подпрыгнув, она сумела сдвинуть занавеску с окна – и поняла, что никакое это не окно, через которое лился солнечный свет, а всего лишь искусно выполненная подделка. Свет шел от особой лампочки, которая, будучи прикрытой занавеской, создавала иллюзию того, что в комнату лился свет с улицы.

В действительности никакого окна не было, за занавеской располагалась *глухая бетонная стена*.

Ева обследовала спальню – там имелись точно такие же фальшивые окна. Кровать была привинчена к полу, а под красивым покрывалом она заметила куцый матрас, покоившийся на металлической пластине.

Телевизор в зале оказался также бутафорским – он был из пластмассы и искусно раскрашенного картона. Только ванная, похоже, была настоящая – из шланга шла вода, а из унитаза доносилось журчание.

Итак, она по собственной глупости оказалась в гостях у секты... *Хотя у секты ли?* Зачем каким-то мирным почитателям Слова Христова похищать ее и заточать в эту странную темницу?

Она позволила себя обмануть – и ее похитители выбрали удачный момент, помогли ей избавиться от преследования со стороны рыночных торговцев и увезли невесть куда. *В свою штаб-квартиру...*

Ева снова бросилась к двери, принялась колотить в нее, но скоро устала. Костяшки рук саднили, голова кружилась. Судя по всему, изоляция была отличная, и ее крики не прорывались даже в коридор, не говоря уже об улице.

Хотя какая улица – она находилась в доме, располагавшемся на огромном участке, окруженном высоченным металлическим забором.

Они ее похитили. Они... Явно не сектанты. А... *а другие!*

Ева вспомнила о теле, рядом с которым очнулась всего пару часов назад. Связано ли это с ее похищением?

Она прижалась спиной к двери, съехала вниз и расположилась на полу.

Итак, оставалось констатировать: по собственной глупости и доверчивости она оказалась в этом странном месте, откуда не было выхода.

Она была в западне.

Даша Величко

– Зрелище, должна сказать, далеко не из приятных! – сказала ужасно худая изможденная особа в зеленом балахоне привычным механическим тоном. – Так что не рекомендую...

Даша почувствовала, как мама впилась в ее руку. До нее донесся судорожный всхлип.

Особа в зеленом балахоне, так и не получив ответа, толкнула стол, и из-под пластика, которым он был затянут, что-то показалось.

Запах, этот ужасный запах... Даша на мгновение закрыла глаза. Как они могут работать в подобном месте?

А затем одернула себя, приказав перестать думать о глупостях. Хотя о чем она могла еще думать, находясь в морге, перед столом, на котором покоилось тело ее старшей сестры?

Женя была мертва... Непостижимо, невероятно, недоступно пониманию...

И тем не менее это было так!

Мама, заливаясь слезами, прильнула к ее груди. Даша стала ее утешать, хотя прекрасно понимала, что никакие слова не помогут. *Никакие...*

А затем сама бросила взгляд на руку, которая высовывалась из-под пластика. Тонкая девичья рука с короткими ногтями. И браслетом...

Дашу словно током ударило. Да, браслет был Женин, сомнений в этом не было никаких. Они с мамой выбирали его на день рождения старшей сестры, и она носила его не снимая.

– Дашенька, уведи меня отсюда, прошу тебя, уведи! – застонала мама, а потом начала сползать на пол.

Дама в зеленом балахоне проворно подхватила ее и, грубо, зато действительно отхлестав по щекам, заявила:

– Ну, мамаша, что раскисать-то? Мои соболезнования, однако вашей мертвой дочке уже ничем не поможешь. Лучше думайте о той, что у вас осталась!

Мама, шатаясь, поддерживаемая Лидой, вышла в коридор. Дама в зеленом балахоне исчезла, к ним подошел какой-то моложавый врач с остроконечной бородкой, стал сыпать словами, мудреными терминами, а потом все совал какой-то формуляр, прося его подписать.

– Она не мучилась? – спросила Даша, и врач, прерванный ею на полуслове, сглотнул и уставился на нее поверх стильных очков.

– Гм... Нет, конечно, не страдала! – заявил он, и Даша поняла, что он врет. Вероятно, врет, чтобы успокоить их, находящихся в прострации, шокированных родственников.

Впрочем, что за идиотский вопрос она задала? Ее старшая сестра умерла – точнее, *покончила с собой!* Покончила с собой, кинувшись под поезд в метро.

О, если бы это был ужасный несчастный случай... Однако это было *самоубийство*. Прошло менее сорока восьми часов, однако казалось, что миновал целый месяц. И за это время мама, всегда такая веселая и молодая, вдруг резко сдала и постарела, превратившись в беспомощную, плачущую, постоянно хватающуюся за сердце *старуху*.

Именно поэтому Даше пришлось взять все самые неприятные, но необходимые в данном случае процедуры на себя. Именно она говорила с полицейским, именно она вела беседу с дамой-психологом, которая пыталась объяснить ей причины поступка сестры.

Если бы она могла повернуть время вспять и спасти Женю! Убедить ее, что так поступать не надо, что прыгать под поезд из-за несчастной любви – верх идиотизма. Но в последнее время они отдалились друг от друга. Женя работала, жила отдельно, Даша оканчивала университет, обитала в квартире с мамой.

Психолог показала ей предсмертную записку, которую оставила Женя перед тем, как... *Как умереть*. Слова – такие горькие. Причина – такая банальная. Решение – такое бесповоротное.

Даша хотела оставить письмо у себя, но оно являлось уликой. Психолог обещала, что выяснит, могут ли они получить копию, но пока что не объявлялась. Впрочем, нужно ли им предсмертное письмо Жени, в котором та ставит их в известность о том, что приняла решение уйти из жизни и что винить в этом никого не следует, кроме нее самой?!

И мерзавца, ради которого она решилась на этот шаг! Даша подозревала, что у сестры появился новый молодой человек, но Евгения была всегда такой скрытной. Она хотела поговорить с сестрой, но все откладывала, потому что у нее самой на носу были госы и диплом. Хотела поговорить после них, и вот...

И вот к ним пришел полицейский с ужасной вестью...

– А можно ли... – Даша запнулась. – Можно ли мне все же увидеть сестру...

Доктор вверил плачущую маму заботам изможденной особы в зеленом балахоне. Та куда-то увела ее, а доктор поманил Дашу пальцем обратно в морг.

– Я настоятельно не рекомендую, но если вы так хотите! – протянул он.

Он приподнял на мгновение пластик, Даша в ужасе уставилась на разрозненные багровые куски мяса, которые раньше были ее сестрой. От лица ничего не осталось, уцелела только одна рука и низ живота – состав ведь, до того как остановиться, протащил Женю порядка ста метров...

Девушка схватилась за край металлического стола, на котором покоилась... Женя? Нет, то, что там лежало, не было ее сестрой!

Быть может, это и не сестра? Однако ошибки быть не могло – им предъявили сумочку Жени с ее документами, изорванную окровавленную одежду, имелись пассажиры, которые поведали, как стали свидетелями самоубийства Жени.

Наконец, браслет...

И все же Даша отдала бы все на свете для того, чтобы весть о смерти Жени оказалась ошибочной. Однако она понимала, что никакая это не ошибка. Сестра была мертва.

Она покончила с собой.

– Однозначно рекомендую хоронить в закрытом гробу! – заявил авторитетно врач. – Ну что же, а теперь прошу меня извинить...

Он прозрачно намекнул, что у него имеются и другие дела. Даша спросила, может ли она остаться на пару минут наедине с...

С сестрой...

Медик, явно не ожидавший такой просьбы, кивнул и ретировался. Даша старалась заплакать, но не могла. На душе было пусто и мутно, как будто из нее вынули все живое. Она была зла, очень зла...

Да, зла на сестру, которая решилась на такой идиотский шаг – бросила их с мамой. И это после того, что та воспитывала их одна после смерти отца от рака девять лет назад!

– Зачем ты это сделала, Женя? – спросила Даша, прикасаясь к клеенке. Нет, не могла она злиться на сестру. Она была зла на то, что та приняла такое ужасное решение, но Женю она, конечно же, любила.

Любила больше, чем когда бы то ни было... Только не могла ей больше сказать об этом.

Она заметила высывавшуюся из-под пластика руку сестры. Даша осторожно высвободила ее из-под клеенки и прикоснулась к мраморно-белым, ледяным пальцам. Погладила их осторожно, дотронулась до браслета...

Она вспомнила, как они с мамой выбирали его, копили деньги, целых три раза ходили в магазин, чтобы прицениться. И как Женя была рада, получив долгожданный подарок...

Эх, сестра, зачем ты это сделала...

Даша прикоснулась к руке, понимая, что настало время развернуться и уйти прочь. Потому что ее ждала мама – мама, которая была на грани нервного срыва и последние сорок восемь часов держалась только на таблетках.

Вдруг Даша заметила *шрамик*. Небольшой такой, еле заметный, вряд ли больше пары сантиметров, с внутренней стороны руки. Он был прикрыт браслетом. Даша отодвинула его в сторону и провела по нему пальцем, Может, не шрам, а... а *пятно крови*?

Но нет, это был шрамик, причем настолько хорошо зарубцевавшийся, что его практически не было видно.

Даша нагнулась, чтобы внимательнее рассмотреть его. Шрам как шрам. *Но все дело в том, что у ее сестры Жени не было никакого шрама на руке!*

Осознание этого пришло к Даше медленно. Она схватила руку и буквально вывернула ее. Да, это именно шрам! Только откуда?

Она вспомнила свою последнюю встречу с Женей – на прошлой неделе. Она заглянула домой к маме, сообщила таинственным тоном, что у нее теперь новая работа, интересная и высокооплачиваемая. Правда, не сказала, какая именно, но деньги у нее в самом деле вдруг завелись.

Даша отлично помнила, как они сидели на кухне, и сестра, попивая чай, игралась браслетом. Вот этим самым браслетом, который свешивался сейчас с руки покойницы.

И никакого шрама на руке сестры не было! И в детстве никаких ран у Жени там не было. И позднее тоже. Во всяком случае, неделю назад.

А если бы Женя поранилась сразу после их последней встречи, то это был бы не шрам, а свежая еще рана, наверняка с корочкой-болячкой. *Этому же шраму явно много лет!*

И потом, *браслет...*

Даша быстро подошла к соседнему столу и приподняла клеенку.

– Извините, – пробормотала она, обращаясь к тому, кто лежал перед ней. И какая разница, что человек ее не слышит, все равно было что-то ужасно непочтительное в том, чтобы столь бесцеремонно взирать на нагое, незащищенное тело.

Вот именно, *нагое...*

Даша быстро заглянула под три другие клеенки. И каждый раз убеждалась в том, что мертвецы были без одежды – и без каких бы то ни было украшений.

Только на руке ее сестры почему-то висел запоминающийся, уникальный браслет.

Спрашивается – почему? Деталь была заметная, такую вещь нельзя не увидеть. Скорее можно забыть вынуть из ушей сережки-гвоздики, но не этот браслет...

И тут Даша поняла, и осознание истины походило на откровение.

Если у сестры не было шрама, то, значит, тело, которое лежит сейчас перед ней на столе прозекторской, не принадлежит Жене.

Женя была жива!

Она бросилась прочь из морга и застала маму выходящей из кабинета – ее поддерживала все та же изможденная особа в зеленом балахоне.

– Отлично, все формальности улажены! – заявил бородатый медик и, как показалось Даше, усмехнулся.

– Мы не будем подписывать никакие бумаги! – крикнула Даша, а доктор развел руками и сообщил ей веселым тоном:

– Ваша матушка только что подписала. Так что вам не о чем беспокоиться. Ольга Сергеевна, проводите дам к выходу!

Даша преградила маме дорогу и заявила:

– Это не наша Женя!

Доктор вздохнул и закатил глаза. Мама снова заплакала, а доктор сказал:

– Ну, что вы медлите, Ольга Сергеевна, я же сказал: проводите даму! А с барышней я сейчас сам разберусь...

Ольга Сергеевна повела маму вдоль по коридору, а врач, схватив Дашу за локоть, втащил в небольшой, заваленный бумагами кабинет и прошипел ей в лицо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.